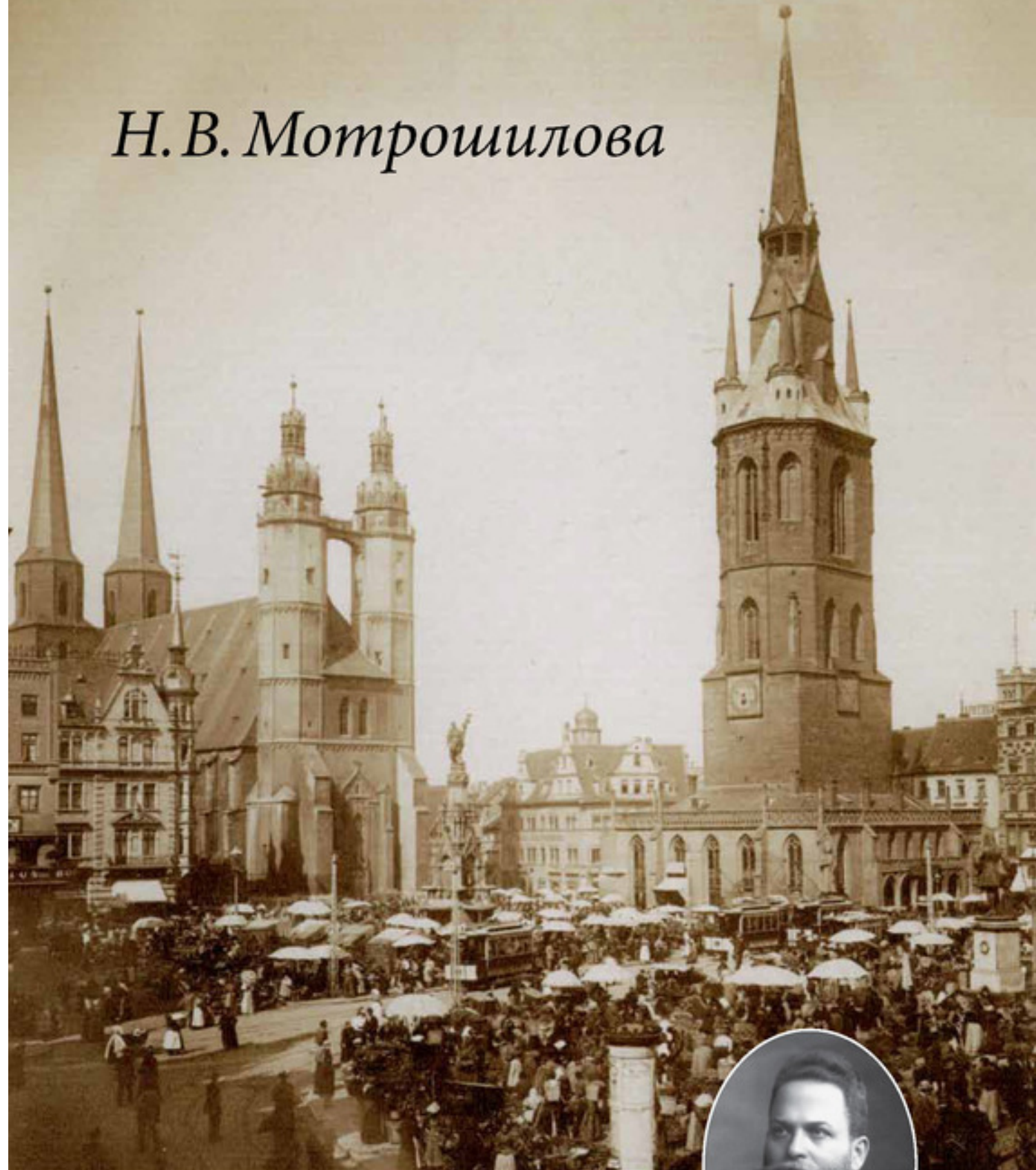

Н. В. Мотрошилова

Ранняя философия
ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ

Галле, 1887–1901

Неля Мотрошилова

**Ранняя философия Эдмунда
Гуссерля (Галле, 1887–1901)**

«Прогресс-Традиция»

2017

УДК 1(4/9)
ББК 87.3

Мотрошилова Н. В.

Ранняя философия Эдмунда Гуссерля (Галле, 1887–1901) /
Н. В. Мотрошилова — «Прогресс-Традиция», 2017

ISBN 978-5-89826-509-9

Исследование ранней философии Эдмунда Гуссерля направлено на ликвидацию сплошного «белого пятна» в освоении наследия этого мыслителя в России. Оно включает изучение социально-исторической ситуации в Германии последних десятилетий XIX века, т. е. конкретной среды, в которой Э. Гуссерль шел нелегким путем от математики к философии. Прослеживаются главные линии его духовного, философского развития и его деятельности в университете Галле-Виттенберг, а также взаимодействия в научном и философском сообществе. В центре книги – до сих пор единственное в феноменологической литературе целостное текстологическое исследование “Философии арифметики”, первой значительной книги Э. Гуссерля (на русский язык она не переводилась). Особое внимание уделено первым “прорывам” будущих феноменологических идей Гуссерля. Впервые в отечественной литературе вводятся в научный оборот гуссерлевские манускрипты, подготовленные для так и не опубликованного II тома “Философии арифметики” и напечатанные в “Гуссерлиане” только во второй половине XX века. Взятая и рассмотренная в своей целостности, проблематика книги позволяет связать начальные этапы развития идей Гуссерля с пока не полностью ясными, но уже проступившими очертаниями его будущей феноменологии, с ее потенциальными возможностями, реализованными Гуссерлем и его последователями и приведшими к превращению феноменологии в одно из самых мощных философских течений XX века. Сложный материал книги превращен автором в прозрачное, понятное и увлекательное повествование, что, несомненно, расширит круг ее читателей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(4/9)

ББК 87.3

ISBN 978-5-89826-509-9

© Мотрошилова Н. В., 2017

© Прогресс-Традиция, 2017

Содержание

О чем эта книга и кому она адресована	8
Предисловие	10
Введение	13
Источники	17
Часть I. Гуссерль в Галле	20
Глава 1. Город и университет: страницы истории и конец XIX века	20
§ 1. Традиции духа и культуры в городе Галле	25
§ 2. Университет Галле–Виттенберг	27
Глава 2. Научно-педагогическая деятельность Э. Гуссерля в Галле	33
Пролог: вначале был Франц Brentano	33
§ 1. Нострификация, габилизация Гуссерля в Галле	37
§ 2. Преподавательская деятельность Гуссерля в Галле.	39
Трудный путь к признанию	
§ 3. Хождения по мукам...	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Неля Мотрошилова

Ранняя философия Эдмунда Гуссерля (Галле, 1887–1901)

© Н. В. Мотрошилова, 2017

© А. Л. Горшков, 2017

© Прогресс-Традиция, 2017

О чем эта книга и кому она адресована

Эта книга – о том, как:

- молодой математик Эдмунд Гуссерль, защитивший математическую диссертацию у выдающегося ученого К. Вейерштрасса, под влиянием лекций Ф. Brentano заинтересовался философией;
- он в 1887 году отправился в Университет Галле для защиты габилюационной диссертации (у брентановского ученика профессора К. Штумпфа) и защитил её;
- он в течение 13 лет жил в Галле и преподавал в Университете Галле-Виттенберг, прокладывая свой путь от математики к философии;
- философские, научные идеи и течения второй половины XIX века запечатлелись в деятельности самых известных ученых того времени, его университетских коллег (Р. Гайм; Б. Эрдманн, Г. Файхингер, К. Штумпф, Г. Кантор и многие другие), оказав то или иное влияние на творческое становление раннего Гуссерля;
- Гуссерль писал свою первую большую книгу «Философия арифметики», в 1891 году опубликовав её I том, где откликнулся на многие труднейшие философско-математические, логические и психологические проблемы своего времени;
- в «Философии арифметики» отразились и достижения, и слабости тогдашних наиболее важных для раннего Гуссерля дисциплин (математика, философия математики, логика, психология), их размежевания и попытки нового синтеза;
- «Философия арифметики», вместе с тем, уже стала предчувствием-провозвестием ряда поворотов к феноменологической философии и к её идеям;
- в процессе подготовки «Философии арифметики», опубликования её I тома Гуссерль создал многочисленные ценные манускрипты для так и не опубликованного II тома сочинения, которые в наиболее полном виде увидели свет в «Гуссерлиане» лишь к концу XX века;
- в последнее десятилетие XIX столетия Гуссерль проделал огромную работу по освоению также и современной ему литературы по (философской) логике, результатом которой стали «Логические исследования», признанные одним из важнейших сочинений начала XX века;
- в истории феноменологии творчество раннего Гуссерля вплоть до завершающих десятилетий XX века оставалось, а в философии России до сих пор остается, terra incognita.

Эта книга адресована тем, кто:

- интересуется становлением личностных устремлений философов-новаторов и стремится осмыслить их связь с историческими тенденциями эпохи, специфическими особенностями исторических ситуаций, с идейными конstellляциями тех дисциплин, в рамках которых протекает их работа;
- стремится расширить свои знания в той области, в которой речь идёт о синтезе математических и философских подходов к проблемам числа, числовых понятий и соответствующих процессов в сознании;
- занимается исследованием феноменологии, но до сих пор имеет, мягко говоря, слабое представление о ранних годах творчества Гуссерля, совпавших с его пребыванием в Галле;
- заинтересован в преодолении неграмотности относительно I тома «Философии арифметики» и подготовленных Гуссерлем материалов ко II тому этого труда, появившихся только

ко второй половине XX века и, как правило, ещё не освоенных многими специалистами-феноменологами;

- хочет получить ориентацию относительно лучшей западной литературы, посвященной ранней философии Гуссерля;
- интересуется зарождением новых философских направлений и их трудным вхождением в научный и философский мир;
- не являясь философом, хочет составить более полное представление об истории, процессах размежевания и синтеза различных дисциплин, в особенности философии, психологии и логики;
- следит за материалами, освещающими сложный спор Гуссерля и Фреге, в толковании которого накопились трудности, противоречия, предрассудки;
- интересуется приключением новых идей, их прорывом в духовный мир и последующей трансформацией.

Благодарности

Выражаю свою признательность научным фондам:

- Немецкому фонду им. А. фон Гумбольдта, лауреатом которого имею честь быть;
- DFG – Немецкому исследовательскому обществу – за их поддержку, позволившую в 2000 годах начать и завершить в Германии, в городе Галле (Halle), исследование ранней феноменологии Гуссерля, родившейся именно в этом городе.
- Благодарю Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) за предоставление сначала исследовательского, а теперь и издательского гранта по этой серии моих историко-философских, а именно историко-феноменологических разработок.
- Так получается, что – вместе с книгой об «Идеях I» 2003 года, а также вместе с осуществленными в XXI веке разработками, посвященными позднему Гуссерлю (о его «Кризисе европейских наук...», о темах «жизненного мира») – данная первая и запланированная вторая книги о раннем Гуссерле должны как бы замкнуть мои многолетние исследования, посвященные истории феноменологического движения, одного из самых серьезных и перспективных в современном мире.
- Благодарю Издательство «Прогресс-традиция» и лично главу его Б. В. Орешина, зам. директора Е. Д. Горжевскую за оперативную, высокопрофессиональную работу по изданию моей книги.
- За многолетнюю техническую помощь по подготовке рукописей – в том числе этого произведения к печати – благодарю И. А. Лаврентьеву.
- За компьютерный набор также и этого произведения благодарю Т. В. Прохорову, а за его коррекцию – сотрудницу сектора Е. С. Марчукову.
- И последнее по порядку, но не по значению. Книгу 2003 года я посвятила светлой памяти моего мужа Ю. А. Замошкина. Это произведение (в двух книгах) тоже неотделимо от нашего с ним жизненного союза, от всех корней и событий, роль которых, в частности, в моей феноменологической работе, всегда была поистине центральной.

И снова – за постоянную, прочную и добрую жизненную поддержку, особенно важную на склоне моих лет, от всего сердца благодарю моего сына Андрея Юревича, его жену Ирину Цапенко и внука Максима Юревича.

Предисловие

Работа, предлагаемая вниманию читателей, создана после того, как был пройден долгий путь исследования феноменологии, который по существу длится всю мою творческую жизнь. Еще в 1956 году, в студенческие годы, я стала заниматься «Логическими исследованиями» Эдмунда Гуссерля и написала дипломную работу, посвященную 2 тому этого выдающегося сочинения (тогда ещё не переведенному на русский язык). Моим научным руководителем был профессор МГУ Валентин Фердинандович Асмус, один из лучших историков философии советского времени. Как теперь понимаю, сам выбор темы, для этого времени более чем необычный, оказался для меня счастливым: я нашла для своих исследований то философское направление, которым с увлечением занимаюсь до сегодняшнего дня. И которое, что много важнее, набирало теоретические потенции, содержательность, обретало все большее число последователей и исследователей как в XX, так и в XXI веке. Первая книга, мною опубликованная, называлась «Принципы и противоречия феноменологической философии» (Москва, 1967). Конечно, в дальнейшем работа велась мною не только над исследованием феноменологии: были написаны и опубликованы книги и многочисленные статьи, посвященные философии XVII века, учениям Канта, Гегеля, Ницше, Хайдеггера. Также исследовался процесс развития русской философии конца XIX – начала XX века, особенно в контексте ее взаимодействия с философией Запада. Эти исследования помогали, когда снова довелось возвращаться к феноменологии Гуссерля, что стало для меня своего рода творческой потребностью.¹

В 2003 году была опубликована моя большая книга «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию», в которой подробно исследовалось выдающееся произведение основателя феноменологии «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913 г.). Он сам трактовал его как введение в феноменологическую философию, какой она сложилась уже после «Логических исследований». В книге 2003 года был подведен итог многолетней работы над феноменологией, хотя ни в чем буквально не воспроизводились прежние публикации. Эта книга была написана на новом витке развития, в период, когда внешние условия уже не влияли на свободу творчества в России, когда мне предоставилась возможность еще основательнее поработать над феноменологической литературой в архивах Гуссерля (прежде всего в Кёльне). Правда, и раньше повезло заполучить беспрецедентные для России возможности доступа к сочинениям Гуссерля (Husserliana), к серии «Phaenomenologica» – благодаря поистине счастливой для меня ранней встрече с легендарным директором архива Гуссерля в Лувене Людвигом Ван Бреда, который распорядился о присылке мне в Москву этих изданий (распоряжение, увы, перестало действовать сразу после его смерти...). Другое обстоятельство, позволившее постоянно держать руку на пульсе феноменологической работы во всем мире – личные знакомства и контакты с выдающимися феноменологическими авторами XX века. Кроме Л. Ван Бреда это были: Ст. Штрассер, Д. Фёллесдал, Х. Дрейфус, Д. Смит и Р. Макинтайр, Г. Кюнг, П. Янссен, В. фон Херрманн, Х. Отт, Т. Рокмор, А.-Т. Тыменецкая и другие. Особого упоминания заслуживает Архив Гуссерля в Кельне, где я неоднократно работала во время пребывания в этом городе. Сотрудникам архива – важнейшему специалисту в области феноменологии Д. Ломару и Х. Пейкеру – особая благодарность. (Ссылки на исследования вышеперечисленных авторов читатель найдет в книге об «Идеях I» и в данной работе).

В процессе моей многолетней работы в философии помимо «Идей I» в центре внимания постоянно находились «Логические исследования» и другие произведения Гуссерля. Был проделан и представлен читателям подробный и, надеюсь, достоверный текстологический ана-

¹ Перечень моих работ, посвященных феноменологии, читатель найдет в общем библиографическом разделе в конце книги.

лиз второго тома этого замечательного гуссерлевского труда, осуществленный ещё до того, как само произведение было переведено на русский язык. (Часть моих публикаций на эту тему переведена на английский язык. См. *Analecta Husserliana*, v. XXVII). Ретроспективное обращение к «Логическим исследованиям» есть и в упомянутой книге, посвященной «Идеям I».

Для книги 2003 года был написан краткий раздел о становлении идей Э. Гуссерля, о его вхождении в философию, в частности, о его пребывании в Галле. Между тем тема эта все больше овладевала мною, все время гнездилась в сознании. Окончательным толчком к её освоению в виде исследовательского проекта стало участие в посвященной Хр. Вольфу конференции, которая состоялась в Галле. Первое пребывание в Галле произвело на меня сильное впечатление. Можно было почувствовать атмосферу этого замечательного, кстати, неплохо сохранившегося университетского города, что для меня лично всегда было очень важно. (Так, когда я заканчивала свою книгу «Путь Гегеля к “Науке логики”», то посещения Штутгарта, Йены, Бамберга или Гельдейберга – по приглашению *Negelvereinigung* – были дополнительными источниками вдохновения.) Очень захотелось именно здесь, в Галле, поработать над темой «Гуссерль в Галле», про которую было известно: она чрезвычайно важна, а исследована мало. Поделилась своими идеями и планами с Ю. Штольценбергом, тогда профессором философии в Галле. И встретила его понимание. Когда работала именно в Галле, то постоянно опиралась на поддержку проф. Ю. Штольценберга, рассказывала о своих идеях, получала ценные советы и ориентации. Пользуясь случаем, выражаю ему благодарность за помощь и за саму возможность побывать в Галле, поработать здесь. (Слово «здесь» употреблено потому, что пишу эти строки именно в Галле, за письменным столом в квартире, которая на три месяца стала мне «домом», моим «zu Hause» (как говорят немцы.) Из окна вдалеке вижу шпили города Галле. Здесь меня окружали и многочисленные книги, статьи, фотографии, которые помогли погрузиться в атмосферу эпохи конца XIX века. Хотелось именно на земле Галле, бывая в её прославленном Университете, передать хотя бы отчасти приметы места и времени – конца XIX века. К эпохе конца XIX века, признаться, испытываю особую привязанность, что видно в других моих работах, например, посвященных Ф. Ницше и Вл. Соловьеву – авторам, о которых Э. Гуссерль тогда или не писал или ничего не знал, но которые, как и он, в то же время параллельно работали над выработкой новых философских парадигм, оказавшихся столь новаторскими и влиятельными, что во многом предвосхитили и определили развитие философской мысли уже в XX веке.

По инициативе Ю. Штольценберга была подана заявка в DFG (Немецкое исследовательское общество), которое в 2005–2006 гг. сделало возможным мое трехмесячное пребывание в Галле. Выражаю благодарность DFG, без поддержки которого, пожалуй, не было бы этой книги или, во всяком случае, она писалась бы не в Галле, т. е. не там, где именно и рождалась ранняя гуссерлевская философия. Вторую возможность поработать в Галле предоставил мне в 2007 году фонд имени Александра фон Гумбольдта, лауреатом премии которого имею честь быть и благодарность которому за неизменную поддержку снова хотела бы выразить. А читатель, надеюсь, увидит и поймет, сколь многое в предлагаемой теперь работе определялось благотворным, иницилирующим влиянием места и времени, т. е. той «топографической точки», где все происходило (Галле, университет Галле), и аурой той исторической эпохи в развитии немецкой мысли, в частности, связанной с Университетом Галле-Вюртемберг. А реконструировать последнюю лучше всего было, конечно же, в самом этом городе.

Самая горячая признательность – тем людям, которые в Галле оказали мне неоценимую помощь, дав ориентацию в литературе, отвечая на мои конкретные вопросы, давая вполне конструктивные советы. Моя особая благодарность – проф. Регине Мейер, чья личная помощь и чьи работы (что легко заметит читатель по соответствующим ссылкам) тщательно использованы в Приложении к данной книге, в серии «Case studies» (оно является исследованием конкретных исторических дел, обстоятельств, относящихся к деятельности научного сообще-

ства Галле конца XIX века). С соавтором Р. Мейер, г-ном Гюнтером Шенком, встретиться не удалось, но моя благодарность за широко использованные здесь обстоятельные исторические исследования этих двух авторов («Der Spirituskreis», «Beförderer der Logik»), разумеется, относится и к нему.

Я также выражаю благодарность господам Катарине Фай (K. Vey) и Кристине Кантхак (Kanthak), которые в Галле оказывали мне разнообразную техническую помощь, и г-ну О. Рудольфу, к которому я обращалась за различными советами, относящимися к компьютерным наброскам работы.

Введение

«Гуссерль в Галле» – эта увлекательная тема, уже ставшая предметом отдельных, пусть не слишком многочисленных, но, как правило, тщательных исследований немецких философов и историков (на них буду постоянно опираться в предлагаемой работе), еще ждет *целостного систематического* изучения и прочтения. Ее значимость вполне ясна и в целом (но только в целом) уже очерчена в специальной литературе.

Именно в Галле будущий выдающийся философ XX века, математик по образованию Эдмунд Гуссерль, искавший свой путь в науке, окончательно определил для себя, что посвятит свою жизнь философии. Такое жизненно важное решение созрело не сразу. Защитив в Венском университете в 1883 году, в двадцатичетырехлетнем возрасте, выполненную под руководством и влиянием видного математика Карла Вейерштрасса первую – математическую – диссертацию на тему «Очерки по теории исчисления вероятностей» (*Beiträge zur Theorie der Variationsrechnung*) и став «доктором философии» (что просто означало первую – докторскую, а в нашем понимании кандидатскую – ученую степень), Гуссерль, уже под влиянием видного австрийского философа и психолога Франца Brentano, стал двигаться от математики к философии. Промежуточной станцией на этом пути была, что естественно, философия математики, правда, понятая и взятая молодым ученым в весьма широком значении (это, как будет показано в дальнейшем, соответствовало духу времени и особенно духу математики, развивавшейся в Германии).

Внимание начинающего исследователя привлекли центральные для математики, в частности и в особенности для арифметики, проблемы осмысления понятия числа и, в более широком смысле, осуществления «исчислений» (*Kalkül, Rechnung*). Теме числа и была посвящена вторая, диссертационная диссертация Э. Гуссерля (*Über den Begriff der Zahl*), которая к 1887 году уже была готова и защищать которую он отправился в Университет Галле – по совету того же Brentano и с его письмом-рекомендацией, адресованным бывшему его ученику, а тогда профессору-ординариусу этого университета Карлу Штумпфу.

После сдачи необходимых экзаменов и защиты диссертации Гуссерль стал приват-доцентом в Университете Галле – Виттенберг. Как складывалась его педагогическая деятельность в Галле, через какие жизненные и профессиональные трудности пришлось пройти за тринадцать лет жизни в этом городе – особый вопрос, который будет подробно освещен в данной книге (с опорой на превосходные конкретные исследования современных немецких историков, пока совершенно неизвестные в России).

С первых шагов своей педагогической деятельности Гуссерль читал лекции и вел своего рода практические занятия (*“Philosophische Übungen”*), посвященные *самым широким философским проблемам* (введение в философию, в теорию познания; история философии нового времени; философия Канта; основные проблемы этики; проблемы логики; свобода воли и доказательства бытия Бога и т. д.). Независимо от того, был ли это только собственный выбор вчерашнего математика или его – скорее – обусловили внешние обстоятельства, ясно одно: Гуссерль в Галле прочно вступил в профессиональный мир философии; и он должен был там освоиться, найти в нем свое место. Чтобы понять, что это означало в тогдашних условиях, в дальнейшем нам нужно будет подробно выяснить, какие конкретные типы философствования сосуществовали и боролись на философской сцене конца XIX века вообще, на почве немецкой философии, в частности, и в философском сообществе Галле, в особенности, к каким из них Гуссерль стоял ближе, а с какими боролся и полемизировал.

Главное же, необходимо вполне *конкретно и тщательно* разобраться в том, какие возможности и перспективы *новаторского* философского исследования открыл для себя Гуссерль, сначала осязая, а потом все увереннее двигаясь по дороге *не полностью нового* для

тогдашних философии, логики, психологии междисциплинарного синтеза и исследования, но все же оригинального и в основе своей именно философского (а не психологического), в конце концов приведшего к блестящему результату – эпохальному двухтомному труду “Логические исследования”. И хотя в развитии самого Гуссерля это не был конечный пункт, пусть преобразования своего сложного и глубокого учения он осуществлял всю жизнь, – именно в Галле им было сделано, в первых очертаниях, выдающееся философское открытие XX века. Им стала, как известно, *философская феноменология нового типа*, уже тогда, к началу века, так или иначе объединившая оригинальную теорию и тончайшую по своим процедурам, неизвестную прошлому философскую же методологию.

Считаю, что до сих пор не даны убедительные и развернутые ответы на целую группу чрезвычайно важных и интересных вопросов. И вот они: какие внешние влияния, события и процессы в научной и философской жизни, дискуссии в ближайшем и дальнем сообществе ученых, наконец, какие личностные переживания должны были сплестись в единый и прочный узел, чтобы состоялось упомянутое философское открытие Гуссерля? Какие философские идеи, которые, так сказать, носились в воздухе тогдашней философии и науки, были подхвачены, переработаны Гуссерлем и тем самым способствовали его новаторскому прорыву («Durchbruch», прорыв – это слово самого философа, отнесенное к «Логическим исследованиям»)? И какие тенденции, установки философии, науки, культуры должен был преодолеть молодой ученый, чтобы проложить дорогу вызревавшим в его уме новым идеям? Какие личностные качества он должен был развить в себе, чтобы справиться со многими житейскими, профессиональными и другими трудностями, обусловленными скудным заработком, проблемами и заботами растущей семьи, неупроченным положением в университетской иерархии? Какие друзья и коллеги в наибольшей степени сглаживали «горечь» (слова самого Гуссерля) трудностей, медленного процесса признания его таланта? Признания не со стороны наиболее значительных умов университетского круга Галле, ибо они достаточно быстро распознали в Гуссерле настоящего ученого и стремились упрочить его положение. А со стороны принимавших практические решения чиновников сферы образования. На эти и другие вопросы в литературе вообще-то существуют ответы, но в этой книге хотелось исследовать тему и более конкретно, и в более целостной, систематической форме. И, пожалуй, главное, что подтолкнуло к углублению в избранную тему: существует настоятельная необходимость преодолеть досадный разрыв между *чисто историческим*, фактологическим подходом к философским явлениям и процессам (при этом никак нельзя отрицать значительные заслуги историков, особенно тех, которые добыли множество архивных документов по интересующей нас здесь теме – они здесь широко использованы) и подходом *внутрифилософским*.

Это, в частности, означает, что надо *привести в связь исторические факты*, обстоятельства весьма различного характера и научный, *философский труд* самого Гуссерля, что пока далеко не всегда удавалось исследователям. Здесь к теме «Гуссерль в Галле» применена специальная методология исследования философии в социально-философском, духовно-нравственном, внутринаучном контекстах, которая была разработана и использована в целом ряде моих историко-философских исследований 60–90-х годов XX века, как и в публикациях последнего времени. Она будет подробнее охарактеризована и применена, в частности, в первых частях книги, при анализе общественно-исторического контекста и ситуации в Галле в конце XIX века.

В своих историко-философских работах я всегда придавала и придаю особое значение *личностному миру философа*, процессу формирования этого мира под влиянием и общеисторических трансформаций, и всего того, что происходит в его стране, особенно в ближайшем к нему сообществе. Ценности, установки личности и сообщества, их необходимая переоценка, историческое чутье философа и его способность предвидеть, предчувствовать динамику истории – вот те важнейшие проблемы, которые исследованы в данной книге применительно к

историческому отрезку, совпавшему с деятельностью Гуссерля в Галле. И считаю это тем более важным, что именно там и тогда удивительным образом интерферировали процессы поистине коренных, судьбоносных преобразований в обществе, науке, философии и в личностном движении самого Гуссерля.

Приехавший в Галле, по понятиям того времени, молодым человеком (ему было 27 лет), Гуссерль встал перед многими вызовами как объективного, так и субъективно-личностного свойства. Он хотел и должен был стать ученым. А из всех данных и документов ясно, что сие означало именно для него: он всегда ставил перед собой новаторские и невероятно трудные исследовательские задачи; он не знал покоя, пока не добивался заметного успеха – что, впрочем, снова становилось для него всего лишь вызовом: добиться в философии еще большей ясности, основательности, глубины.

В историко-философской работе меня всегда привлекала также тема молодости, ранних этапов творчества философа. Представляется, что историки философии в погоне за изображением уже достигнутых тем или иным выдающимся мыслителем блестящих результатов нередко упускают из виду удивительный по своей таинственности и значимости *процесс становления философского ума и философских идей*, который, кстати, может особенно интересовать и даже интриговать молодых людей, намечающих для себя перспективу вхождения в мир культуры, науки, философии.

Итак, тесное, органическое *переплетение* процесса грандиозных исторических трансформаций, выпавших на эпоху *fin de siècle*, конца XIX и начала XX века и нашедших многочисленные выражения в науке, культуре вообще, философии, в частности, и протекавшего в Галле (процесса, во многом связанного именно с местными культурными, научными условиями, событиями, с жизнью университета Галле) напряженного поиска Гуссерлем оригинального, нового пути в философии, завершившегося «Логическими исследованиями», – таковой была стержневая линия первой части исследования, результаты которого предложены здесь благосклонному, надеюсь, вниманию читателей.

В последующих частях книги осуществлена конкретная исследовательская работа, цель которой – детально охарактеризовать то *поле* научных тем, принципов, подходов, решений, на котором Гуссерль оказался именно в Галле, причем в круге непосредственных творческих влияний, исходивших от близких ему направлений и идей, и которое, вместе с тем, было *репрезентативным* для науки и философии его времени. Следует добавить, что методология такого исследования тоже разработана в весьма малой степени. По большей части используются непосредственные ссылки в работах исследуемого философа (в данном случае Гуссерля) на работы других ученых, в том числе наиболее близких по духу и идеям. Этот простейший прием по своему продуктивен, и не воспользоваться им было бы неверно. Однако здесь есть существенная теоретико-методологическая трудность. Ведь *реальные* влияния, *действительная* зависимость того или иного ученого от *контекста и поля идей* своих предшественников и современников, – в особенности от выработки новых парадигм в других *узлах* исследований, из-за своей актуальной новизны до поры до времени остающихся неизвестными, – всегда *шире, глубже, основательнее*, чем можно ухватить через прямые цитаты, ссылки и упоминания.

Идейно-творческая атмосфера, которая складывается в тот или иной период, в том или ином научном сообществе – это вообще весьма тонкая, однако совсем не некая призрачная *материя* для исследователя. Охарактеризовать ее, разобраться в сплетении ее нитей, не ограничиваясь тем, что *субъективно* ухватили и зафиксировали сами участники процесса, а проликая в то, что сплелось, работало объективно и складывалось в некоторую целостность, – вот одна из задач, которая ставилась в этой книге применительно к теме «Гуссерль в Галле». Особенно важно было сосредоточиться на вопросе о том, где возникали и как интерферировали в тот во многих отношениях переломный период волны новаторства, *усилия по поиску новых парадигм*, предпринимаемые и при непосредственных взаимовлияниях, и параллельно

– причем осуществляемых на почве не одной, а многих научных дисциплин, теоретических полей. (Тема «Г. Кантор – Э. Гуссерль», до сих пор очень мало и поверхностно исследованная, кажется мне в этом отношении особенно показательной и красноречивой.)

И еще одно уточнение: когда речь идет об *интерференции* духовных волн, это вовсе не означает, что воздействующие друг на друга влияния принимаются позитивно, без возражений. В становлении и деятельности выдающихся творческих личностей, к каким, несомненно, уже со времени своей молодости принадлежал Э. Гуссерль, по существу всегда имеет место *диалог* – пусть по форме он подчас (хотя и не всегда) бывает вежливой и почтительной ссылкой на сделанное предшественниками, учителями, коллегами, но по сути и содержанию это, как правило, *острый, серьезный, содержательный спор* вокруг проблем, обладающих живой актуальностью, а одновременно непреходящей значимостью для науки и культуры. И эту сторону дела мы рассмотрим конкретно и тщательно, анализируя творческий мир молодого Гуссерля.

В последующих частях книги будут подробно проанализированы сочинения раннего Гуссерля. В центре анализа стоит «Философия арифметики» – своеобразное *резюме* более ранних разработок Гуссерля. По отношению к нему исследовательская претензия автора этих строк состоит в том, чтобы по-новому взглянуть на научные достижения раннего Гуссерля, повысить в глазах исследователей и читателей *самостоятельную теоретическую ценность* этого как будто бы весьма специального по теме, но – с моей точки зрения – значительного *философского* произведения, притом своеобразно *синтезирующего* именно в рамках философии (в данном случае философии математики) подходы различных дисциплин, прежде всего математики, психологии и логики. А они *в то время*, чего никак нельзя забывать, еще были *принципиально философскими по своему характеру*.

«Логические исследования» в предлагаемой книге не будут анализироваться специально, а предстанут как перспектива; ее, с одной стороны, следует иметь в виду, с другой стороны, не превращать в некую цель, движение к которой как бы телеологически предопределено. Ведь Гуссерль на протяжении долгого времени, понятное дело, не знал и не мог знать, во что именно выльются его настойчивые, напряженные и порой даже мучительные поиски. То обстоятельство, что «Логические исследования» не будут в данной книге предметом самостоятельного и обстоятельного анализа, объясняется по крайней мере двумя причинами. Во-первых, это выдающееся произведение (и поистине необозримую литературу о нем) невозможно и нецелесообразно анализировать в книге, посвященной другим сюжетам. Во-вторых, в моих прежних исследованиях по феноменологии был дан обстоятельный, в том числе текстологический анализ «Логических исследований» (особенно II тома).

Предлагаемая работа, таким образом, нацелена на то, чтобы заполнить пробелы в философском исследовании становления и развития мысли раннего Гуссерля. Хорошо известно, сколь огромен сегодня массив работ по феноменологии и как обширна их география: исследователи всех континентов внесли свой вклад в наращивание феноменологических или посвященных феноменологии публикаций. Но это, к сожалению, лишь в небольшой мере относится к интересующей нас теме – к развитию идей и личности Гуссерля, которое осуществлялось именно в Галле.

Источники

Работы, специально посвященные интересующей нас тематике, долгое время можно было пересчитать на пальцах одной руки. Из таких исследований, специально посвященных теме «Гуссерль в Галле» (и постоянно используемых мною), хочу особо выделить (здесь – для обобщенного предварительного обзора) ряд работ.

Это вышедшая в 1994 году, к 300-летию юбилею Университета Галле, небольшая, но очень ценная книга «Гуссерль в Галле» (Husserl in Halle. Hans-Martin Gerlach, Hans Rainer Sepp, Hrsg. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1994). Я ссылаюсь на нее в своей книге 2003 года, посвященной «Идеям I». И в данной книге упомянутая публикация служит одним из источников, на которые я постоянно опиралась, обязательно обращая внимание на коррективы, предлагаемые в более поздних, особенно архивных исследованиях.

Уже упоминались в «Предисловии» имена историков из Галле Гюнтера Шенка и Регины Майер, их исследования, посвященные не только (и не столько) Гуссерлю, но и другим авторам. Их особая ценность – опора на источники из Архива Университета Галле, которые в книгах Г. Шенка и Р. Майер воспроизводятся полностью или цитируются. В случае Гуссерля (после ознакомления с их исследованиями) возникло предположение, что вряд ли удастся обнаружить в архивах что-то новое. Это предположение подтвердилось после моей работы в том же архиве, что констатирую с оттенком грусти, ибо самой обнаружить в архиве что-то, что до сих пор не было известно, разумеется, было бы соблазнительно. Увы, такового материала не оказалось (да ведь и официальные документы, касающиеся Гуссерля, весьма немногочисленны). Подтверждая точность воспроизведения касающихся Гуссерля исторических фактов – в основном, в работе «Beförderer der Logik», буду цитировать в соответствующих случаях это сочинение. Сказанное относится и к другой работе названных авторов – «Spirituskreis...», которая освещает весьма конкретные эпизоды жизни университетского круга Галле и помогает живо почувствовать духовную атмосферу, понять характер размежевания в университетской и, шире, интеллектуальной среде Германии конца XIX века (хотя названная книга охватывает более обширный исторический период). Материал о Spirituskreis читатель найдет в разделе «Приложения».

Далее скажу об исследованиях, которые оставляют в стороне специальный вопрос «Гуссерль в Галле», но так или иначе посвящены проблематике становления феноменологии и обращены к ранним работам, написанным в Галле, – а к ним, не будем этого забывать, принадлежат и знаменитые «Логические исследования». Но если данному произведению Гуссерля, как известно, посвящен очень большой массив литературы, то это целые десятилетия не относились к осмыслению довольно длительного *пути*, приведшего к первому крупному, уже феноменологическому труду Гуссерля.

Вернер Иллеман, еще в 1932 году опубликовавший одну из первых важных для нашей темы книгу «Дофеноменологическая философия Гуссерля» и отмечавший уже достаточно прочное положение разросшегося феноменологического направления в философском мире его времени, сетовал, однако, на то, что при заметном количестве работ о феноменологии почти отсутствуют исследования, посвященные раннему Гуссерлю и что не выполняется существенная задача исследования *возникновения* феноменологии.² С известными оговорками и уточнениями можно сказать это и применительно к длительному периоду истории вплоть до последних десятилетий XX века.

Бросался в глаза контраст между лавинообразным возрастанием – с середины XX века – литературы о Гуссерле, о феноменологии в целом и отсутствием должного внимания к ста-

² См.: Werner Illemaan. Husserls vorphänomenologische Forschung. Leipzig 1932.

новлению феноменологии в философском развитии ее основателя, совпавшему с его пребыванием в Галле. В. Иллеман в начале 30-х годов писал, что первые работы Гуссерля «О понятии числа» (1887) и «Философия арифметики» (1891) остаются неизвестными. И действительно, долгое время о произведениях раннего Гуссерля знали лишь совсем немногие философы. Правда, за более чем столетнюю историю феноменологического движения накопились книги и статьи, пусть тоже немногие, где о первом этапе философского развития Гуссерля так или иначе идет речь.

Если иметь в виду книги, специально посвященные работам Гуссерля до «Логических исследований», то надо указать на работу молодого (в момент её публикации) философа Х. Пойкера «От психологии к феноменологии. Путь Гуссерля к феноменологии “Логических исследований”» (*Henning Peucker: Von der Psychologie zur Phänomenologie. Husserls Weg in die Phänomenologie der «Logischen Untersuchungen»*. Hamburg, 2002). Часть этой работы посвящена именно первым произведениям Гуссерля. Книга Пойкера систематична, основательна, глубока. Она также представляет собой своеобразное обобщение исследовательской деятельности феноменологов над наследием раннего Гуссерля.³

Книга Х. Пойкера оправданно начинается с упоминания о том споре, который давно уже ведется в феноменологической литературе – о преемственности (*Kontinuität*) в длительном, более чем полувековом процессе развития мысли Гуссерля, начиная от первых работ до произведений самых последних лет жизни. Многие ученики Гуссерля, а одновременно и исследователи его философии (Э. Финк, О. Беккер, Л. Ландгребе) отстаивали ту идею, которую горячо поддерживает и Пойкер и которую так выразил Л. Ландгребе: «Творчество Гуссерля развивалось в полной преемственности, так что его в конце концов сложившаяся форма (не вполне зримая в опубликованных сочинениях) должна быть рассмотрена как последовательное развитие того основного мотива, который проявляет свое действие уже в самых ранних сочинениях».⁴

Я тоже придерживаюсь мнения о существовании преемственности в развитии гуссерлевской философии. И в данной книге буду постоянно прочерчивать линии, ведущие от самых ранних, дофеноменологических сочинений Гуссерля к его более поздним, уже собственно феноменологическим разработкам – как и напоминать о ретроспективных оценках основателем феноменологии своих более ранних произведений и идей (с уточнением, что здесь много непредвиденных сложностей). При этом идею о преемственности исследовательских ориентаций Гуссерля считаю совершенно необходимым дополнить, уточнить, имея в виду справедливость суждений тех феноменологических авторов, которые обращают внимание и на определенные разрывы, перерывы преемственности (*Diskontinuität*) в развитии Гуссерля, на существование разнородных, даже относительно самостоятельных периодов, этапов, форм его развития. Это тем более относится к периоду, который, пусть и с некоторой долей телеологии, именуют «дофеноменологическим» и который, однако, завершается формированием первого варианта феноменологии. Недаром же его сравнивают с докритическим периодом в философском движении Канта. Ибо прорыв и переход были такими резкими, значительными, крутыми, что в пору было в духе гегелевской диалектики подумать о перерыве постепенности, о скачке, о возникновении философии совершенно нового теоретического качества. И когда феноменология уже оформилась, отдельные ее этапы – при существовании общей преемственности – все же означали возникновение новых понятий, структур, типов феноменологической мысли. Достаточно напомнить о периоде перехода от «Логических исследований» к «Идеям...».

³ Впоследствии я буду не раз обращаться к этому ценному исследованию, ссылаться на него, а одновременно выскажу свои принципиальные возражения против некоторых идей, отстаиваемых в названной книге и воплотившихся в её заголовке – «От психологии к феноменологии», ибо полагаю, что было бы досадным упрощением маркировать раннюю концепцию Гуссерля лишь термином «психология».

⁴ *Ludwig Landgrebe: Phänomenologie und Metaphysik. Hamburg 1949. S. 57.*

Немаловажно и то, как сам Гуссерль переживал и оценивал эти крутые повороты в своем идейном развитии, а отчасти и в своей судьбе философа-исследователя. Наиболее ценные результаты и прорывы обретались благодаря чрезвычайному напряжению всех творческих сил, такой их концентрации, что верно говорить об *актах настоящей драмы духа*, которые разворачивались в глубинах души и мысли (хотя находили и некоторые внешние проявления и иногда фиксировались Гуссерлем в письмах к родным, друзьям и коллегам). Методологически и теоретически говоря, предпочитаю здесь иметь в виду и анализировать как теоретическую, так и личностную *антиномию преемственности и неожиданных прорывов к новому* – антиномию глубоко творческую, переживаемую в высшей степени напряженно и драматично.

В следующих главах будет представлена (кратко, но и детально) история прибытия и пребывания Гуссерля в Галле, растянувшаяся на достаточно длительный – тринадцатилетний – период.

Но сначала – о городе Галле и его университете, причем в том единстве *места и времени* жизни философа Гуссерля и его собственной судьбы, которое предстоит реконструировать.

Часть I. Гуссерль в Галле

Глава 1. Город и университет: страницы истории и конец XIX века

Жизненный путь привёл двадцативосьмилетнего Гуссерля в Галле, что после габилитации уже было связано с намерением поселиться в этом городе и начать работать в Университете Галле–Виттенберг. В Галле Гуссерль задержался надолго: здесь прошли его молодые, а потом и более зрелые годы. Но обо всем этом – позже.

Теперь же предлагаю читателям совершить воображаемое путешествие: попробуем вообразить (разумеется, используя сегодня имеющиеся в нашем распоряжении довольно обширные и добротные материалы), в каком состоянии к 1887 году был этот некогда прославленный город, в XVIII столетии оправданно считавшийся одним из центров немецкого Просвещения. Каким увидел его Гуссерль, как город менялся в конце XIX века, как обживался в нем молодой ученый, чей жизненный путь начинался в тогдашней Австро-Венгрии, но в годы студенчества пролегал не только через австрийские, но и немецкие университетские города?

Это поможет понять *реальную историческую среду жизни* раннего Гуссерля и исторические же корни, на которых выросла феноменология. Замечу: обычно в историко-философских работах, посвященных крупным или великим философам (а таким мыслителем-новатором в итоге всей своей деятельности стал для XX века Эдмунд Гуссерль), о среде жизни если и говорят, то на ходу, второпях, не придавая этому как бы постороннему для философии фону сколько-нибудь существенного значения. В случае данного исследования дело обстоит иначе. И в других моих книгах и статьях, посвященных философам Запада и России разных эпох и направлений, социально-исторические корни их жизнедеятельности рассматриваются не как внешние и нейтральные, но как влияющие на целый ряд направлений философской работы – конечно, не прямо, а опосредованно, больше всего через формирование особых типов личности, мотиваций, ценностей и т. д. (методология такого исследования и способы её применения обосновываются в ряде моих работ).

Далее будет применен особый прием повествования на тему «Гуссерль в городе Галле»: предложу вообразить маршруты молодого ученого, а через них – исторические вехи развития города (особо – места жизнедеятельности Гуссерля), чтобы через этот материал представить, какие ориентации, ценности могли сложиться во внутреннем мире формирующегося философа как личности, сложиться внутренне и спонтанно, но все же и под влиянием города Галле, его среды, истории, духовной атмосферы и т. д.

Можно ли сегодня представить себе, как выглядел в 1887–1901 годах город Галле – чтобы с наибольшей точностью вообразить улицы, по которым каждый день проходил Гуссерль, дома, которыми он любовался, Университет, в который он направлялся и в котором он работал? Как все это выглядело в то время? Вполне возможно. И дело не только в том, что обычно от истории городов остаются гравюры, рисунки, а с определенного времени и фотографии, в XIX веке, правда, ещё довольно редкие. В случае Галле 80–90-х годов XIX века было дополнительное счастливое обстоятельство: в то время в Галле жил талантливый фотограф Фриц Мёллер (Möller, 1860–1923), тогда прославившийся своими прекрасными работами. Он-то и запечатлел город и его жителей в многочисленных фотографиях, в том числе (по технике тогдашнего времени) на стеклянных негативах. Часть их долгое время пребывала в неизвестности; а в 50-х годах XX века в одном из предназначенных к сносу домов их обнаружили – в удивительной сохранности, несмотря на войну и все турбулентности эпохи. В 1999 году была опубликована

замечательная книга «Галле на рубеже веков. Фотографии Фрица Мёллера». Важно, что речь в книге идет о рубеже XIX и XX веков, предоставлены визуальные свидетельства, относящиеся как раз ко времени пребывания Гуссерля в Галле.

Качество (черно-белых, конечно) фотографий – даже в сравнении с изощренной фотографической техникой наших дней – просто-таки поражает. Неслучайно Ф. Мёллер получил золотую медаль в Париже за свою изумительную серию так называемых «мимических фотографий», которые представляли собой не строгие парадные фотопортреты (таковые он тоже делал), а веселые изображения гримасничающих или застигнутых врасплох людей; среди них и прекрасная серия автопортретов, показывающих, что фотограф не был лишен артистического дара.

Благодаря снимкам Мёллера мы располагаем материалом, позволяющим с большой достоверностью проиллюстрировать рассказы об обычных путях Гуссерля – скажем, из дома в Университет, а также «увидеть» то, что на этом своем пути действительно мог видеть тогда новый житель этого города. Причем увидеть не только парадную красоту зданий, и сохранявшихся веками, и совсем еще новых, построенных *в эпоху промышленно-экономического бума, которая ведь пришла именно на это время*. Мёллер фотографировал, в чем можно убедиться, город в его повседневной неприкрашенной жизни. Но ведь Галле именно тогда стал красивым, оживленным, динамично развивающимся городом. Впрочем, Мёллер запечатлел не только город: он сфотографировал – среди других университетских педагогов – и самого Гуссерля! Это было сделано в серии изготовленных в 1894 году для Университета Галле – Виттенберга (к 200-летию его юбилею) портретов преподавателей университета. На большом плакате под названием «Философский факультет» среди 34 фотопортретов есть и портрет Эдмунда Гуссерля – в центре предпоследнего нижнего ряда. Портрет этот вряд ли узнаваемый: здесь запечатлен молодой Гуссерль – с окладистой бородой, хорошо ухоженной; это привлекательный тридцатипятилетний человек; лицо удлиненное, выразительные глаза; высокий лоб; приятный строгий костюм. (На этом же фотографическом плакате есть и портреты ряда ученых, ставших *героями* моей книги.)

Но прежде чем мы *попадем* в историческую ситуацию конца XIX века, имеет смысл совершить короткий экскурс в предысторию города и его Университета, с которой (можно не сомневаться) так или иначезнакомился и Эдмунд Гуссерль. Отправившись в Галле и поселившись в нем, Гуссерль наверняка знал, что это город с очень давними корнями. Как пишут в исторических книгах, город прошел многовековую путь от укрепленного замка времен Каролингов к соляному городу на рубеже Средневековья, а затем к промышленному, университетскому центру нового времени.⁵ Первые сохранившиеся упоминания в хрониках относятся к 806 году. То место, на котором впоследствии вырос город, называлось «Halla» – название, собственно, относилось к упомянутому замку, который в последующие два с половиной века пришел в полный упадок. Во времена короля Отто III (XI век) было разработано «торговое право», которое предоставляло права и привилегии торговым, рыночным поселениям. Соответственно ему, как предполагают историки, торговое поселение – «de merkato Halla», впервые возникшее на месте будущего города Галле, как бы заявило о своем существовании. С XII века начинается постепенное выстраивание в этой местности поначалу небольшого, а в последующие столетия растущего поселения.

С чего начиналось их строительство в средневековой Германии? Конечно же, с церковных и административных зданий, как правило, воздвигаемых в самом сердце города, на Площади рынка (Marktplatz), что повелось ещё с греческих полисов – это была старейшая традиция Европы, традиция создания агоры. Так было и в Галле.

⁵ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 1. Halle im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Halle, 2006. S. 15 (далее при цитировании: Ibidem, с указанием страниц).

В исторических документах упоминается, что с XIV по XVIII век возводились, достраивались, перестраивались те строения, которые как-то удержали свой общий облик еще и в то время, о котором у нас идет речь. Поэтому Гуссерль, проходя через Площадь рынка (Marktplatz), обязательно видел на восточной стороне площади близко друг от друга построенные или просто примыкающие друг к другу здания ратуши, «Капеллы в честь Святого креста» и так называемое «Waagegebäude», которое было своеобразной городской палатой мер и весов: тут ведали всем, что касалось веса, размера, объемов товаров, которые долгое время продавались совсем рядом, на самой рыночной площади или вблизи её. (Отметим: вообще-то такие социально-исторические предпосылки, залегающие в глубинах ещё более ранней истории, способствовали постепенному выделению «счётно-измерительной» деятельности – и её *объективной* увязанности с последующей математической и философской проблемой числа.) В доме мер и весов, кстати, помещались и университетские аудитории, о чем ещё будет идти речь. Этому старинному ансамблю, возникшему к 60-м годам XV века, во время Второй мировой войны был нанесен сильный урон, так что сегодня мы можем увидеть его только на предвоенных фотографиях. А Гуссерль видел его, конечно, после вековых достроек и перестроек, но в достаточно хорошей сохранности. Столь же сохранными были к концу XIX века ещё более старинные постройки на Площади рынка.

Сказанное относилось прежде всего к так называемой Красной башне (Der Rote Turm), которая и по сию пору служит своего рода символом и опознавательным знаком города Галле. (Правда, в тот момент, когда пишутся эти строки, т. е. в конце 2007 года, она завернута в пластик, потому что находится в процессе реставрации.) Гуссерль видел её, как показывают (черно-белые) фотографии Ф. Мёллера, в довольно хорошем состоянии. В некотором отдалении слева от Красной башни расположилось внушительное здание Marktkirche, т. е. церкви на площади рынка.

История Красной башни примечательна и интересна. Её строили в XV – начале XVI века (1418–1506), сначала в знак траура по жертвам голода; потом она, действительно, стала главным символом города Галле. В практическом отношении её применение на протяжении истории оставалось неясным: здание толковали то как колокольню, то как сторожевую башню, то как башню с главными городскими часами (Geschichte der Stadt Halle, Bd. 1, S. 236).

Какими бы ни были споры о предназначении этого грандиозного, впечатляющего сооружения, в основном пункте есть согласие: «Можно уверенно говорить, – пишет современный исследователь Долгнер (D. Dolgner), – что Красная башня – с её высотой, далеко превосходящей все вокруг, с её хорошо дифференцированным, отвечающим высоким эстетическим претензиям, впечатляющим обликом и благодаря тому, что со всех примыкавших улиц её можно было видеть и по ней ориентироваться, – была всем чем угодно, но только не скромной колокольней» (Ibidem. S. 236). Вот её и воспринимали также и как символ власти, единства городской общины, всегда претендовавшей на автономию. Динамически воспаряющую вертикальность башни трактовали как обращенность к Богу. «...Так башня стала вместе и сакральным зданием, и знаком городского, гражданского представительства» (Ibidem. S. 237). Подобным образом, видимо, и понимали её двойную функцию те, кто создавал и осуществлял грандиозный для Средневековья проект. Согласно документам, хранящимся в городском архиве Галле, сразу после окончания строительства башни возвестили о том, что это сделано «во славу всемогущего Бога, непорочной девы Марии, всех небесных обитателей, как и во имя украшения высокославного города Галле, для всей его общины и даже всего региона» (Ibidem. S. 237).

Конечно, Площадь рынка в конце XIX века не выглядела такой, какой она была при строительстве её главных, ещё и сегодня так или иначе сохранных достопримечательностей. Но не было никаких сомнений в давнем историческом происхождении, красоте, архитектурной значительности, сакральном и гражданском смысле сооружений этой площади. Основное, пожалуй, состояло в том, что коренной житель Галле, или приезжий, выходя на эту «свя-

тую» площадь, одновременно был свидетелем неприглаженной, пестрой, бурной повседневной жизни города. В этом нетрудно убедиться, взглянув на упомянутые снимки Ф. Мёллера.

Вступая на Площадь рынка, Гуссерль, как и всякий другой житель Галле этого времени, не мог не погружаться в атмосферу бойкой торговли – причем очень простой, повседневной. Товары (а они были самые разные – от продовольствия, утвари до крупных предметов, инструментов и т. д.) выкладывались на лотках и помостах. Люди из окрестных деревень, городские ремесленники, торговцы, мелкие и крупные, продавали плоды своего труда – они прямо, лицо в лицо общались с покупателями, своими согражданами.

Но эта же площадь к вечеру преображалась. Торговцы увозили или уносили непроданные товары. Граждане гуляли по главной площади и примыкавшим улицам, встречались, общались друг с другом, заходили в уютные *Kneipe* – немецкие пивные. Кто побогаче, встречались в ресторанах, ресторанчиках, клубах, в театрах, на концертах, в частных домах.

Раз уж мы в нашем воображаемом путешествии, “вместе с Гуссерлем”, по городу Галле 80–90-х годов XIX века задержались на центральной Площади рынка, вспомним ещё об одном важном обстоятельстве. В соответствии с тысячелетними традициями европейских полисов и она была для жителей Галле своего рода агорой, где концентрировалась гражданская жизнь и где незримо хранились передаваемые из поколения в поколение ценности свободы, гражданственности, прав человека, которые завоевывались, утрачивались и снова отвоевывались в многовековой борьбе. Здания на восточной стороне Площади рынка, о которых мы уже упоминали – Ратуша, Капелла Святого креста, *Waagegebäude*, которые так или иначе восходили еще к Средневековью (XIV век) – как раз и символизировали собой ценности свободы, гражданственности, управления и самоуправления города Галле, значение которых неизмеримо возросло и наполнилось новым содержанием именно в описываемую эпоху. Историки подробно и доказательно реконструировали строительно-архитектурную историю Ратуши, Капеллы и примыкающих зданий, доказав, сколь тесно с этой историей были связаны самые различные направления вековой хозяйственной, торговой, ремесленной, но также и политической, гражданской деятельности города Галле.⁶

Эта история во многих отношениях важна и показательна. Она демонстрирует, что ещё с XIII века в городской Совет, заседавший в Ратуше, наряду с двумя бургомистрами входили граждане, которые производили нужные городу продукты: как продукты питания, так и все необходимое для повседневной жизни. Поэтому на Площади рынка предоставлялись места для торговли жизненно необходимыми тогда товарами: на северной стороне торговали предметами из меди, в то время широко применявшимися в обиходе; там же продавали зерно и овес. В западном крыле площади находился небольшой рыбный рынок. Конечно, мелкие торговцы (*insitores*) – в отличие от крупных (*mercatores*) – не были собственниками тех «торговых точек», которые находились на площади. Сначала владельцем считался архиепископ, глава города, которому торговцы за использование площадей должны были платить ренту. Он мог сдавать их – при условии выплаты ренты – монастырям, церквям, рыцарям. «Но начиная со второй половины XIII века в возрастающей степени уже семьи бюргеров получали в свое распоряжение собираемые с торговцев выплаты» (*Ibidem*. S. 234).

В XIX веке – вместе с ускоренными процессами индустриализации, урбанизации – менялась социальная структура города; возникали новые социальные группы, они предъявляли свои гражданские права. Впрочем, эти преобразования осуществлялись и раньше, почему относительно однородный по своим процессам исторический период с конца XVIII века до Первой мировой войны называли «долгим столетием».⁷ Подобные преобразования, кстати, осуществлялись почти в пятидесяти немецких городах, причем по их объему и динамике город Галле

⁶ Dieter Dolgner. *Rathaus und Markt–Orte städtischer Öffentlichkeit / Geschichte der Stadt Halle*. Bd. 1. Halle 2006. S. 227–238.

⁷ Ute Trevert, Heinz–Gerhard Haupt (Hg). *Der Mensch des 19. Jahrhunderts*. Frankfurt a/M., 1999. S. 9.

стоял в середине списка. И вот в этих-то сложных процессах в городе начинала разворачиваться гражданская жизнь. То, что немцы называли «Bürgertum», гражданственность, гражданская жизнь (от слова «Bürger», которое означало: гражданин, житель города), всегда имело место в немецких компактных поселениях. Но теперь, когда население стремительно увеличивалось, само оно требовало, чтобы город был более благоустроенным, зеленым, красивым. Между тем традиции повседневного городского быта были скорее скверными. В конце XVIII века Галле был совсем маленьким городком с 15000 жителей. Современники свидетельствовали, сколь он запущен. «Дома почти все глинобитные, внутри и снаружи они выглядят очень плохо; совсем немногие из них или из кирпича, или из скальной породы, заимствованной на развалинах замка Гибихенштайн. Улицы кривые, с ухабами, вымощены самой плохой брусчаткой... Ко всему тому улицы очень узкие, грязные, особенно после дождливой погоды. Все это – наряду с отоплением углем и всяческими отбросами, которые жители позволяют себе безнаказанно выбрасывать на улицу, да еще и выбрасывается содержимое ночных горшков – подчас создает невыносимое зловоние».⁸ Если относящееся к концу XVIII века описание достоверно (в чем вряд ли приходится сомневаться), то отсюда можно заключить, какой прогресс городской жизни произошел всего за одно столетие. Сказанное, впрочем, относится не только к Галле, а ко многим европейским, в частности, немецким городам. XIX век знаменовал настоящий переворот в городском благоустройстве, затронувший повседневную жизнь достаточно широких (конечно, не всех) слоев городского населения. Но это не могло произойти само собой. Изменение было результатом очень существенных сдвигов в сознании и деятельности многих граждан немецких городов. Должны были слиться воедино несколько процессов деятельности и сознания.

Нужно было, чтобы в сознании и поведении высших слоев общества – королевского двора, дворян, церковных чинов – начали пробивать себе дорогу *ценности гражданской ответственности, солидарности, сострадания к бедным, обездоленным гражданам*. Такие примеры имелись, и только краткость повествования не позволяет нам остановиться на них подробно.

И всё же город трудно было назвать «цивилизованным», если воспользоваться современной терминологией. Но он постепенно и неуклонно цивилизовался. В 20-е годы XIX века бургомистр Меллин даже создал Verschönerungskommission, т. е. комиссию по украшению города. Правда, в целях «украшения» и расширения, улиц увы, подчас сносили старинные крепостные ворота и башни... Появилось немало новых скверов с просторными аллеями (Promenade), красивыми деревьями и высаживаемыми цветами. Это давало, кстати, новые возможности общения и высоко оценивалось жителями.⁹ И вот в 1892 году возникла и реализовалась идея соединения так называемых Старого и Нового Променада в одну линию улиц, как бы окольцовывающих старый город и позволявших, как того решительно требовал в своем письме один из жителей, «нашим согражданам совершать чудеснейшие, удобнейшие круговые прогулки через город».¹⁰

Несомненно, такие прогулки совершал и Гуссерль со своей семьей. Было ли это во время прогулок или по дороге в Университет, но Гуссерль должен был проходить через лучшие улицы Галле, примыкавшие к Площади рынка или находившиеся недалеко от нее. Это были, например, Большая Ульрихштрассе, Малая Ульрихштрассе, Вайзенхаусринг, Барфусштрассе, Бергштрассе, улица «Кляйнер Берлин» – «Маленький Берлин» (и многие другие), на которых именно в годы пребывания Гуссерля в Галле были построены красивейшие, подчас ещё и сегодня сохранившиеся дома.

⁸ Die Geschichte der Stadt Halle. Bd. 1. S. 406.

⁹ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 2. S. 29.

¹⁰ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 2. S. 30.

Таковы, например, очаровательные дома на Große Ulrichstraße (сейчас дом 33/34), где ныне помещается Dresdner Bank (уже Jugendstil, построен в 1897/98 годах); на ней же – угловой дом (сейчас № 52, построен в 1890 году) или дом на Waisenhausring (построен в 1893 году); дом на улице Kleiner Berlin (1880/90 годы постройки); Bergstraße 1 (построен в 1890/91 годах). Заметьте: дома эти воздвигались как бы на глазах Гуссерля и его семьи. (И вспомните простой факт: красивые новые дома на улицах наших городов и на пути обычных движений по ним – влияют на нашу повседневную жизнь.) Угловые, сравнительно невысокие дома вообще красиво и уютно обыгрывают свое положение на стыке трех улиц: они подобны маленьким кораблям на реках городских улиц; угловые контуры их позволяли пристроить интересные башни, эркеры, обрамить их колоннами и орнаментами. Такие архитектурные приемы, кстати, подсказывали очень старые дома: на углу Kleine Ulrichstraße находится прелестный дом в стиле Fachwerk, построенный в 1591 году, как бы связующий две лучами сходящиеся улицы. Словом, всего и не перечислишь...

...Придирчивый читатель может спросить: а какое отношение все это имело к формированию личности и идей Гуссерля? Отвечу: в том числе и достаточно прямое. Что каждый из мыслящих абстрактно философов может проверить на самом себе. От того, живем ли мы, работаем, отдыхаем в цивилизованных, человеческих условиях – или, напротив, в окружающей нас «мерзости запустения», наши умонастроения, ценности, наконец, жизненные планы существенно зависят, причем подчас довольно прямо и непосредственно. Пожалуй, не менее, если не более такие факторы влияют (опосредованно, через комплекс причин и факторов) на духовные ценности, на положение учреждений и людей духа, работающих в науке, культуре, сферах образования, на их статус и оценку, признание со стороны сограждан. Что касается описываемых объективных социально-исторических тенденций, то решающее значение имеет следующее: *процессы цивилизации, динамичного развития городов, особенно университетских городов в XIX веке (и не только в Германии) заключали в себе и имели своим следствием мощный запрос на научные знания, на усовершенствование сфер образования.*

Надо вспомнить нечто из собственного опыта каждого из нас: ведь всякий город, всякое поселение на что-то настраивает своих жителей. Конечно, их ориентации и умонастроения всегда индивидуальны. Но ведь не случайно говорят о специфическом менталитете, психологии берлинцев или парижан, петербуржцев или москвичей. Не берусь судить о том, что типично сегодня для жителей Галле, Hallenser (одно слово на русском образовывать нецелесообразно, ибо это будет сливаться с уже занятыми словами «галлы», «галльский», которые история связала совсем с другими народами и событиями). А над тем, к чему морально, психологически, эстетически, творчески подталкивал своих граждан город Галле в последние десятилетия XIX и самом начале XX века, можно и нужно поразмыслить.

И вот о чем следует сказать перво-наперво: это был *трудовой город*. Жизненное благополучие всегда давалось здесь упорным трудом – исторически на соляных копиях, а к интересующему нас времени на разнообразных относительно небольших предприятиях. Это не был «модный» город из тех, которые облюбовывала феодальная знать, а потом избирал крупный капитал. Здесь гнезилось среднее и мелкое по размерам производство; многие жители были ремесленниками или обслуживали других своих земляков. Возник также особый слой предпринимателей, озабоченных не только и даже не столько получением прибыли, сколько нуждами производства, благополучием работников и общими нуждами города.

§ 1. Традиции духа и культуры в городе Галле

Университетский люд, несомненно, тоже принадлежал к трудовым слоям. И благодаря завидным традициям Германии (впрочем, таковые в тот век ещё сохранялись и в России) труд профессоров, преподавателей был, что мы ещё покажем, весьма престижным и хорошо опла-

чивался. Чтобы отвечать высоким критериям, предъявляемым к университетской профессуре, надо было трудиться смолоду и всю жизнь: ведь в университетские профессора вообще, в профессуру Университета Галле, в частности, «призывали» (berufen, то есть приглашали с намерением принять в свои ряды) людей с именами, достаточно известными в Германии, а также и за её пределами. И даже наиболее, казалось, веселые, беспшабашные молодые люди из университетского народа – студенты – тоже должны были ежедневно трудиться. А в случаях, когда они приходили в Университет из самых простых семей, это означало необходимость особо упорным трудом, прилежанием пролагать себе путь, преодолевая нужду, иногда элементарный голод. Но они продолжали учиться. Во имя чего? Ответ опять-таки можно было найти именно в истории Галле. Ибо это был *город с традиционно высокими ценностями не только труда как такового, но и интеллектуального, духовного труда, труда в сфере науки, культуры, образования*. Почтение к такому труду, понимание его внутренней привлекательности и престижности было, таким образом, издавна присуще менталитету и психологии обитателей Галле. Конечно, люди, принадлежащие к разным слоям, понимали и выражали эти ценности и установки по-разному. Но в том, что они были общераспространенными, сомневаться не приходится. Сказанное, разумеется, не означает, что путь в науку каждого, кто в неё устремлялся, был простым и безоблачным. Однако важно, что сама эта устремленность к интеллектуальным, духовным жизненным занятиям, труд в этих областях в Галле традиционно оценивали высоко, то есть правильно и дальновидно.

Надо особо сказать о том, что в Галле престижной считалась и такая деятельность, которая осуществлялась в рамках религии, теологии, внутрицерковной активности. Но важно, что в конце XIX века это не был клерикальный город с претензиями на власть церковной верхушки (времена, когда в Галле располагалась резиденция епископов, были далеко позади). Гуссерля, перешедшего в протестантство, видимо, вполне устраивало то, что это был «умеренно протестантский» город. Он некогда одним из первых пережил реформацию – из-за близости к Виттенбергу, где начиналась деятельность Мартина Лютера. (Во времена Христиана Вольфа, как известно, боролись различные течения в протестантстве.) Это одна сторона дела. Другая сторона: человеку науки, не желавшему, подобно Гуссерлю, участвовать во внутрицерковных, религиозно-теологических размежеваниях, было вполне сподручно жить в городе, где протестантство исповедовалось спокойно и добровольно. А внутри университета традиционное почтение к теологам никак не мешало ученым трудиться в сугубо светских областях знания и науки.

Поскольку Гуссерль происходил из еврейской семьи, его касалась та часть духовно-нравственной атмосферы города, которая была связана с отношением горожан к евреям, к еврейской общине. И тут дело обстояло относительно благополучно. Канули в далекое прошлое времена, когда рано зародившаяся в городе, старейшая в Германии еврейская община (конец XII века) была изгнана из Галле магдебургским епископом. В истории подобные изгнания не раз повторялись.¹¹ Но к концу XIX века и в этом вопросе в Германии вообще, в Галле в частности, выработались цивилизованные подходы. Евреи – ремесленники, торговцы, предприниматели, профессора, студенты – вполне нормально, без особых опасений, жили и работали в Галле. Пройдет несколько десятилетий, и Германия, увы, прервет эти здоровые традиции цивилизованного бытия и заболеет варварской болезнью государственного антисемитизма, приведшего, как известно, к холокосту, одному из самых страшных преступлений XX века. И хотя приобретший общеевропейскую известность Эдмунд Гуссерль и члены его семьи сохраняют жизнь, но направленные против евреев преследования затронут и их. А вот в конце XIX века ничто, казалось, не предвещало такого печального итога...

¹¹ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 1. S. 201 и f.f.

Имея в виду особенности менталитета и психологии, в конце XIX века характерных не только для жителей города Галле, очень важно именно в исследуемом нами контексте отметить, что в те десятилетия над размеренным бытием предшествующих веков *возобладал динамичный дух перемен, преобразований, новаторства, состязательности*. Он овладел трудовой жизнью людей в самых различных областях. Одни стремились строить – причем сравнительно с прежними временами быстро, красиво, заботясь о комфорте и удобствах не в традиционном, а в новом понимании. Другие создавали новые производства – и как раз на основе тогдашних продвинутых знаний (машиностроение, химическое производство).

Третьи стремились к новому в архитектурном деле, в искусстве, литературе. Четвертые хотели управлять городом, его хозяйством, его гражданской жизнью по-новому, с опорой на быстро возникающие и расширяющиеся знания об экономике, политике, гражданском обществе. А вот пятые (к ним принадлежал и Гуссерль) наперегонки создавали новые концепции, теории в науке.

Полагаю, не будет ни преувеличением, ни социологизацией утверждать, что эти тенденции в общей духовно-нравственной атмосфере города *вполне отвечали духу свободы, новаторства, творческого беспокойства, устремленности к теоретической глубине и разрешению самых трудных вопросов науки*, который с молодости овладел Эдмундом Гуссерлем и который до самой смерти оставался господствующей чертой его личности. Представляется оправданным описанные особенности духовно-психологической атмосферы Галле отнести и к другим городам Германии (да и остальных частей Европы) того же времени. И это будет совершенно верно: *таков в известном смысле был общий дух времени*. К Галле все сказанное относится в той мере, в какой этот город в своем бытии и развитии действительно воплощал дух эпохи и, в частности, весьма интересного её периода – двух последних десятилетий XIX века, *fin de siècle*, а также рубежа XIX и XX веков.

§ 2. Университет Галле–Виттенберг

Вполне понятно, что дух времени ближе всего, конкретнее, повседневнее, влияет на отдельных ученых через институты, в которых они трудятся. В Германии (с самых давних времен) это были университеты.

В ранней своей истории Университет Галле располагал зданием на Площади рынка, о котором мы уже говорили – *Waagegebäude* рядом с Ратушей. В нем вплоть до 1832 года размещалось всё, что относилось к Университету: библиотека, аудитории, зал, помещения университетского ректората и сената. Это здание было частично разрушено во время Второй мировой войны, а в 1947 году снесено. Значит, мы не можем видеть строение, которое более двухсот лет было символом и воплощением истории Университета Галле. А вот Гуссерль видел его, чуть ли не ежедневно проходя по рыночной площади. Направлялся же он к разросшемуся именно в XIX веке университетскому комплексу, находившемуся на Университетской площади, совсем недалеко от Площади рынка.

Во второй половине XIX века Университет Галле–Виттенберг не имел единой и однозначной пространственной локализации. Конечно, он ассоциировался с так называемым «*Löwengebäude*», или зданием со львами, главным административным центром университета. Но здания университетских институтов и клиник были разбросаны по всему городу – правда, они располагались на улицах, расположенных не так далеко от центра. Некоторые из них были построены ещё в первой половине XIX века, другие возникли как раз во время экономического, культурного подъема второй половины, особенно последних десятилетий XIX столетия. Тогда были построены: Институт ботаники (1842–1844 гг., в последующие годы он достраивался); Институт химии (1862–1863 гг., в 1891–1893 гг.; институт стремительно достраивался, что отражало растущую потребность общества в химических знаниях); Инсти-

тут физики (1887–1890); Археологический музей (1889–1891); Институт физиологии; Институт анатомии. Были также возведены различные клиники: психиатрическая и невропатологическая, гинекологическая, так называемая «Медицинская клиника» и другие принадлежащие Университету клиники и лечебные учреждения. В эти же годы построено здание Библиотеки университета (1878–1880).

Итак, вывод: Университет Галле – как обширный, охватывающий многие институты совокупный учебно-исследовательский комплекс, – складывался именно в 80–90-х годах, то есть *на глазах Гуссерля*. Вновь выстраиваемые здания были большими, добротными, с индивидуальным архитектурным лицом. В архитектурном отношении существовала ориентация и на классицистские, или ренессансные традиции – разумеется, в том преломлении, которые они получили во второй половине XIX века, и на новые тогда мировые архитектурные веяния. «Архитектор Людвиг фон Тидеманн впервые в Германии заимствовал для проекта Университетской библиотеки в Галле конструктивные системы великих образцов Парижа и Лондона. Созданные Мартином Гропиусом наброски для здания Университетской библиотеки в Грейфсвальде послужили ему в качестве отправного пункта в подготовленном им в 1876 году проекте, который основывался на французской системе, сберегающей пространство и расходы на строительство».¹² Новаторским был функциональный проект интерьера Библиотеки. Фон Тидеманн одним из первых отказался от показной и дорогостоящей роскоши университетских зданий во имя целесообразной конструкции, которая, однако, не должна была упускать из виду художественно-эстетические цели. Итак, университетские здания Галле тоже стали полигоном для прорыва новых идей в архитектуре. «Вместе со вскоре после этого построенными, по проекту Мартина Гропиуса и Хейно Шмидена, зданиями Библиотек в Грейфсвальде (1880–1882) и Киле (1881–1883), Галле пролагает пути для нового, открытого для рациональной аргументации направления...» (Ibidem. S. 154). Кстати, на пользу бурному развитию строительства Университета пошло и то, что в Галле у него не было конкуренции со стороны помпезных административно-управленческих зданий. «Правительство земли находилось в Магдебурге, правительство округа – в Мерзебурге, Верховный суд округа – в Наумбурге».¹³ В Галле вследствие этого не требовалось возводить официальные здания, и университетское строительство приобрело особое, чуть ли не главное значение для города (Ibidem).

В быстром строительстве и последующих достройках университетского комплекса таились, однако, серьезные проблемы и затруднения. Ведь никто не мог предвидеть всего этого бума заранее и рационально спланировать происходящие процессы. Вскоре появились новые потребности – электрификация, газификация старых зданий. И опять достройки, перестройки, преобразования... Поэтому можно представить, какие поводы для критики такой неизбежно эклектический результат мог дать и сегодня дает строгому, взыскательному профессиональному взгляду архитекторов и знатоков, ценителей архитектурного дела. Да и университету как целому приходилось преодолевать территориальную разобщенность его различных институтов, и без того подверженных дифференциации научного знания, возрастающей (здесь и пространственной) отчужденности друг от друга его различных областей. Университетские власти, однако, стремились удержать комплекс зданий хоть в каких-то границах. «Три главных пространства сложились в ходе времени: группа зданий на Университетской площади, размещение клиник и институтов на территории “Neue Residenz”, помещения которой частично были в распоряжении Университета уже с 1735 года, и участки на нынешней Магдебургской улице, где находились медицинские учебные учреждения».¹⁴

¹² Geschichte der Stadt Halle. Bd. 2. C. 153–154.

¹³ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 2. S. 155.

¹⁴ Ebenda.

Серьёзные неудобства состояли в том, что в последние десятилетия XIX века университетскому люду приходилось работать в условиях постоянныхстроек, ремонтов, переездов. Но профессора, студенты, обслуживающий персонал, скорее всего, понимали: их университет разрастается, обустроивается; и раз государство вкладывает столь значительные средства, значит, общество понимает возрастающую ценность знания и образования.

Ещё в первой половине XIX века предпринимались попытки увязать в единое целое и комплекс главных университетских зданий, и прилегающие улицы, которые предполагалось (ориентируясь на Лейпциг) превратить в озелененные «променады», примыкающие к «Alte Promenade», к старым пешеходно-прогулочным магистралям (ныне – Universitätsring, Университетское кольцо). Проект не удался. Но, как правильно отмечают историки, в этой части города «университетские здания всё-таки задавали свой масштаб».¹⁵

К этому комплексу зданий как раз и направлялся Гуссерль, пока он жил и работал в Галле. Расскажем попутно и о том, в какие дни и даже часы он, как правило, ходил по этим улицам, и так в течение тринадцати лет – на работу, т. е. на лекции и другие занятия. Так, в летнем семестре 1888 года по средам и пятницам (с 16 до 15 часов) он читал курс «Основные проблемы психологии»; в зимнем семестре 1888/89 годов ходил в Университет по вторникам, четвергам и пятницам (с 15 до 16 часов) читать обзорный курс «Энциклопедия философии»; в летнем семестре 1889 года по понедельникам, вторникам, четвергам, пятницам (с 16 до 17 часов) читал курс логики, а по пятницам (с 18 до 19 часов) вел семинар «Философские упражнения»; в зимнем семестре 1889/90 годов по понедельникам, вторникам, четвергам (с 12 до 13 часов) Гуссерлем был читан курс этики.¹⁶ И так год за годом, тринадцать лет подряд, почти каждый будний день приват-доцент Гуссерль ходил работать со студентами.

А сейчас продолжим рассказ об Университете Галле–Виттенберг в «гуссерлевское время». Известно, что в Университет Галле–Виттенберг в 80-х годах XIX века не было, собственно, одной и единой дороги. Все зависело от того, куда именно, в здание какого факультета – соответственно в какую лабораторию, клинику, библиотеку – направлялся преподаватель или студент. На одной из гравюр 1882 года комплекс университетских зданий представлял как своего рода городок в городе, как маленькое «царство» науки и образования. (Автором гравюры был упомянутый архитектор Людвиг фон Тидеманн, который, как отмечалось, в то время как раз и проектировал новый комплекс, сообразуясь с лучшими образцами подобных сооружений в Париже и Лондоне.) В сопоставлении с тем, что при основании Университета Галле в 1694 году по существу не было университетских зданий и помещений, прогресс был огромным. Но особенно объемными и в историческом масштабе (масштабе веков) стремительными процессы постройки зданий университетских институтов, клиник, библиотек стали именно в XIX веке, уже в его первые десятилетия. В целом же тот темп роста университетских домов и помещений, который имел место между 1860 и 1910 годами, был беспрецедентным, что, конечно, прежде всего связано с тогдашними растущими потребностями страны в квалифицированных естествоиспытателях, научно-технических специалистах, врачах, но также и в экономистах, юристах. А она была пробуждена ускоренным экономическим, а шире – социальным развитием, в частности, индустриализацией Германии после 1871 года.

Правда, с университетскими постройками в Галле спокойно сосуществовали окружающие дома и целые улицы: это не был (и не мог быть) обособленный кампус. Само решение строить университетские здания посреди города таило в себе и серьёзные преимущества, и немалые недостатки. Преимущества были очевидны: университетские здания помещались в городе, жившем своей жизнью; студенты и педагоги не были оторваны от этой жизни и постоянно в неё погружались, что мы видели, проследив путь Гуссерля из дома на работу. Но были,

¹⁵ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 2. S. 155.

¹⁶ Husserl–Chronik, Bd. 1. S. 22, 23, 24 и ff.

конечно, и немалые недостатки. Ведь надо было добираться до университета, что тогда, фактически при отсутствии городского транспорта, составляло проблему для тех, кто не жил поблизости или пребывал (как некоторые профессора) в почтенном возрасте. До появления первых трамваев существовал лишь конный транспорт. Да и трамваи, появившись в самом конце XIX века, были скорее редкостью, нежели явлением сколько-нибудь обычным. Впрочем, практичные немцы видели свои преимущества в необходимости двигаться, гулять по улицам города (немецкое слово «laufen», буквально «бегать», означало в данном случае достаточно динамичную пешую прогулку).

Существенным недостатком беспорядочного, обусловленного многими обстоятельствами случайного способа достраивания университетских зданий была их децентрализация.¹⁷ В плане градостроительном возникала, конечно, проблема архитектурного разнообразия, хотя архитекторы Галле, как правило, стремились деликатно возводить новые университетские постройки, соотносясь с особенностями прежде построенных домов и улиц.

Вообще говоря, динамическое развитие города как раз в то время, когда по нему (тринадцать лет подряд!) ходил Гуссерль, обусловило относительно единый архитектурный стиль целого ряда улиц, застроенных новыми домами именно в то время. (Я лично люблю этот стиль, и потому считаю определенным везением, что мне во время двух пребываний в Галле довелось жить на подобной улице – Reichardtstraße, где располагается гостевой дом университетского Института этнографии. У философского факультета и института, к слову, своего гостевого дома тогда не было и не предвиделось.) Дома, построенные в конце XIX – начале XX века, привлекают тем, что это совсем не помпезные здания предшествующих веков, а именно (до сих пор удобные, человечные) жилища простых людей среднего класса, без ненужных украшений, но с декором, стилизованными особенностями, придающими каждому зданию индивидуальное лицо и в то же время соединяющими дома в одну улицу со своим порядком, настроением.

Всегда испытывая дефицит свободной городской земли, немцы очень часто пристраивали дома стена к стене, почему целые кварталы и улицы образуют как бы единый комплекс, в котором отдельные дома, однако, имеют свое лицо, свой стиль. Некоторые же улицы, возникшие в XIX – начале XX века и сохранившиеся до сего времени (война, к счастью, в некоторой мере пощадила Галле), застроены красивыми, тоже не помпезными виллами или вполне достойными доходными домами, которые строились для быстро растущего населения. Гуссерль жил в одном из таких домов, а в гости к великому математику Г. Кантору ходил в одну из таких вилл, построенных именно для её хозяина. Улицы и в центре города, и в некотором отдалении от него в то время были, в основном, новыми, красивыми и уютными; немногие сохранившиеся дома прежних веков были подобны самым драгоценным камням в достойном архитектурном ожерелье. Полагаю, читатели согласятся со мною, присмотревшись к фотографиям некоторых таких домов и целых улиц, которые строились в конце 80-х и в 90-х годах XX века.

Это был, как мне представляется, удобный для повседневной жизни, более простой, более демократичный, чем прежде и, однако, эстетически привлекательный, в отдельных образцах элегантный, далекий от унифицированности архитектурный, градостроительный стиль, тесно связанный со стилем самой тогдашней жизни. Кстати, построенные во второй половине XIX века университетские здания, имевшие, как и все официальные учреждения, свои архитектурные, стилизованные особенности, не выпадали из единого облика города. В результате всех построек и достроек в зданиях университетского комплекса совместился и так называемый *Zopfstil*, в котором, например, была построена «старая библиотека» (1778–1779), т. е. классицистский строгий стиль, подражающий античным образцам, а также особый, так называемый *Segment – und Rundbogenstil*, «инспирированный берлинской школой» и характер-

¹⁷ Geschichte der Stadt Halle, II, 155.

ный для зданий, построенных по проекту упомянутого Людвиг фон Тидеманна.¹⁸ На строгий взгляд профессионального архитектора здесь, возможно, царила самым сопряжением разных эпох обусловленная эклектика. Вспомним, однако, что к концу XIX века всё это(пока) должно было выглядеть достаточно однородным и в определенной мере совместимым. Главное, что постепенно возобладали «стилевые варианты целевого строительства»¹⁹ – зданий для жизни, труда, учебы растущей массы обычных людей и что вокруг города было достаточно строительных материалов для реализации таких проектов. Ценным было то, что Л. фон Тидеманну город поручил возведение в тех же районах не одних только университетских зданий. «Рядом с библиотечными, институтскими зданиями, зданиями клиник он представил план строительства тогдашнего Райхсбанка на Кёнигштрассе (1880). В целом же созданное им богатство вариантов воплотилось в многочисленных зданиях школ, казарм, больниц и т. д., зданий органов управления и жилых домов».²⁰ Так именно в 80–90-х годах при новом строительстве возникал относительно единый, целостный облик центральных частей города Галле.

Местами строения XIX века неплохо сохранились и сегодня, потому что Вторая мировая война, как упоминалось, пощадила город Галле: разрушения в нем, в сравнении с другими немецкими городами, не были особенно значительными. Правда, социалистическое хозяйствование (а Галле до объединения Германии был частью ГДР) нанесло прекрасному городу немалый урон. В сущности, каждый второй и третий дом из трех еще недавно требовал обновления. Происходило это медленно. Но уже и сегодня видно, что XIX век представлен в городе особенно хорошо и цельно (почему в нем любят снимать исторические кинофильмы, действие которых происходит в конце XIX столетия).

Но вернемся, следуя за Гуссерлем, в университетские кварталы. Итак, путь вел через центральные улицы города в университетские здания. Это могло вызвать у молодого ученого мысли о значении Университета Галле–Виртемберг как для города, так и для всей Германии. Некоторые историки подчеркивают, что «во второй половине XIX века Университет потерял свое господствующее место в жизни города».²¹ Когда говорят о некогда «господствующем месте» и его «утрате», то имеют в виду, конечно, громкую общегерманскую и общеевропейскую славу его во времена Христиана Вольфа, когда Галле стал, по существу, главным центром немецкого Просвещения и когда важнее Университета в городе, возможно, ничего не было. Но ведь каждый образованный человек знает также и неприглядную историю: Христиан Вольф, в первой половине XVIII века, возможно, самый знаменитый в мире немецкий философ, из-за влияния пиетистов был изгнан из Галле под тем вздорным предлогом, что его учение представляло-де опасность для прусского государства и его армии. Вместе с изгнанием Вольфа утратила былое влияние его школа, важнейшая в науке и философии немецкого Просвещения. А когда Христиан Вольф триумфально возвратился в Галле, оказалось, что время было потеряно и что вместе с падением влияния и престижа немецкого Просвещения померкла слава Университета. Вольф, после изгнания на некоторое время поселившийся в Марбурге, принес славу и этому городу – опять-таки славу общеевропейскую, потому что к нему, прекрасному педагогу, ехали учиться из разных стран Европы. Как известно, с группой студентов приехал в Марбург и учился у Вольфа впоследствии ставший великим русский ученый Михаил Ломоносов.

Если и когда Гуссерль по улице проходил мимо дома Вольфа, то душа его, скорее всего, не трепетала, как наверняка случилось бы, если бы он был знатоком и поклонником просветительской мысли. Но ведь Гуссерль, не подробно знавший историю философии, вообще был равнодушен, тогда и позже, к учениям философов типа Вольфа, пусть и устремлявшихся на

¹⁸ Geschichte der Stadt Halle. Bd. II. S. 157.

¹⁹ Ebenda.

²⁰ Ebenda. S. 158.

²¹ Halle, alte Musenstadt... Streifzüge durch die Geschichte einer Universität. Halle, 1994, 14.

путь просветительского рационализма, но весьма далеких от того идеала «строгой научности», который уже на рубеже XIX и XX столетий захватил и философию. (Кстати, дом, в котором некогда жил знаменитый просветитель, – сегодня реставрированный, дом-музей Вольфа и один из культурных центров нынешнего Галле, – во время жизни Гуссерля в этом городе имел, судя по фотографии, неприглядный вид.)

И все же суждение о том, что Университет Галле–Виттенберг вместе с индустриализацией вовсе утратил-де своё принципиальное значение для города, нужно, как я думаю, брать *cum grano salis*, как говорят, «со щепоткой соли», то есть с поправками. ...Упоминание о «соли» в данном случае имеет больший, чем обычно, почти прямой смысл. Ведь город, как говорилось, исторически сложился, долгое время существовал и рос благодаря такому важному в те столетия полезному ископаемому, как соль. Соляные копи вокруг города долгое время были основой повседневного труда, благосостояния города.

Основание в XVII веке университета было некоторое время пусть очень важным, но всего лишь дополнением к экономическим составляющим. Впрочем, и университетская жизнь вносила свой вклад в экономическое благосостояние города: немалое число горожан кормилось благодаря тому, что они сдавали студентам жилье, кормили, лечили, обшивали их... Даже последнее было, как оказывалось, прибыльным делом – особенно по мере возникновения студенческих корпораций, союзов, предполагавших, что студентам будут шить, а они будут носить достаточно модные костюмы, головные уборы, другие аксессуары. Все эти обычаи, к слову, сохранились и в конце XIX века.

Итак, было бы преувеличением говорить об упадке университета на рубеже XIX и XX веков. Пусть университет Галле–Виттенберг не был тогда в числе *самых главных и самых прославленных* университетов Германии и Европы, он всё-таки имел неплохое реноме – потому именно, что его уже закончили, в нем преподавали и учились те, чьи имена тогда уже значились и ещё будут значиться на страницах духовной, культурной истории страны. Это касалось (хотя в разной мере) различных научных областей. Сейчас мы не будем говорить об этом подробнее, приводя факты и имена, потому что обстоятельный разговор о научном (особенно философском) сообществе Университета Галле, о месте, роли Гуссерля, коммуникации с коллегами разных специальностей – в том числе такими, как упомянутый великий математик Георг Кантор – у нас впереди.

Приступаю к специальному анализу своей темы – как сказано, волнующей, интригующей, очень мало разработанной.

Глава 2. Научно-педагогическая деятельность Э. Гуссерля в Галле

Пролог: вначале был Франц Brentano

У каждого события в человеческой жизни, тем более события значительного, всегда есть первоисток, а конкретнее, обстоятельства и другие люди, которые этому событию особенно активно способствовали. Приезд Э. Гуссерля в Галле, его габилизация и последующее преподавание в Университете имеет своим главным событийным первоистокom более раннюю его встречу с уже известным тогда австрийским философом и психологом Францем Brentano (Brentano).²² Эти обстоятельства в общем и целом освещены в литературе; существуют также и исследования, в которых рассмотрены теоретические проблемы, касающиеся влияния брентановской концепции на становление феноменологии Гуссерля, а также различий между обоими учениями.

В переписке Гуссерля и Brentano, в воспоминаниях Гуссерля имеются прямые свидетельства того, что встреча с Brentano стала поистине поворотным пунктом и в выборе Гуссерлем творческого, а значит, и жизненного пути – в данном случае в выборе между математикой и философией, в обретении специфической проблематики, угла зрения, важных для последующего реформирования логики и для попыток соединить новую логическую теорию знания с теориями познания и сознания. В моих более ранних работах по феноменологии эти темы также отчасти разрабатывались.

Напомню сначала о тех особых обстоятельствах жизни и творчества Гуссерля, которые восходили к влиянию Brentano и – под этим влиянием – вообще привели молодого ученого в Галле. «Как известно, Brentano дал молодому Гуссерлю совет: по поводу габилизации обратиться к тогдашнему ординарному профессору философии Университета в Галле, Карлу Штумпфу (Carl Stumpf). Штумпф – близкий друг Brentano – с 1884 по 1889 годы был ординарным профессором объединенного Университета Галле-Виттенберг (Friedrichs-Universität). Штумпф познакомился со своим будущим учителем Brentano в 1866 году на открытом обсуждении габилизационной работы Brentano в Вюрцбургском университете. Отточенная острота аргументов, с которой Brentano защищал свои тезисы, продемонстрировала Штумпфу, тогдашнему юному студенту, такое превосходство Brentano над его оппонентами, что Штумпф сразу же решил посещать брентановские лекции».²³

В судьбе молодого Штумпфа, который сначала хотел специализироваться в юриспруденции, Brentano принадлежала особая роль: он переориентировал способного молодого человека на занятия психологией, тесно связанной с естествознанием. «В особенности обрадовало нас то, что Brentano считал: философии не нужны иные методы, кроме тех, которые используются в естественных науках; и на этом он основывал свою уверенность в возрождении философии. Это было новое, несравненно более глубокое и серьезное понимание философии» –

²² Хочу предупредить читателей о том, как в этой книге будет располагаться материал, отнесенный к той или иной стадии жизни и творческого развития Гуссерля, а также к тем или иным мыслителям, ученым, влияние которых он испытывал, работы и идеи которых учитывал. Сначала будет дана – в кратком рассмотрении – целостная картина того или иного этапа, тех или иных личностных, жизненных, теоретических отношений, с ним связанных. Затем эта суммарная картина будет как бы разукрупняться, её звенья попадут под микроскоп более конкретного анализа в связи с отдельными эпизодами теоретического, идейного развития, с теми или иными книгами, текстами Гуссерля. Так и предлагаемая преамбула-пролог на тему «Brentano–Гуссерль» будет иметь разные продолжения, так что первая общая картина будет неоднократно и под разными углами зрения конкретизироваться.

²³ Hans-Martin Gerlach. Es ist Seligkeit 13 Jahre lang Privatdozent und Tit. Prof zu sein / Husserl in Halle. Fr. a/M. S. 17.

писал Штумпф.²⁴ Brentano посоветовал Штумпфу отправиться в Геттинген к известному тогда философу, психологу естественнонаучной ориентации Г. Лотце, у которого Штумпф позже защитил свою первую диссертацию. А теперь Brentano отправлял к своему прежнему ученику, К. Штумпфу, который уже стал ординариусом в Галле, молодого человека, в коем Brentano распознал – как потом выяснилось, безошибочно, – талант, причем именно талант одновременно философский, философско-математический, психологический, логический. Несмотря на молодость, Гуссерль уже успел побродить по научным тропам в поисках своего пути: он знакомился с астрономией (Лейпциг, 1876–1878), потом основательно изучал математику (Берлин, 1878–1881) у видного математика Карла Вейерштрасса (Carl Weierstraß) – и только из-за болезни последнего не стал его постоянным ассистентом, хотя и защитил под его руководством первую (математическую) диссертацию по теории исчисления вероятностей.

Довольно рано, еще в период учебы, Гуссерля привлекла к себе философия. Встреча с Brentano, его блестящие лекции положили конец колебаниям молодого ученого в выборе между математикой и философией.²⁵ Но хотя жизненный выбор в пользу философского пути Гуссерль, по его собственному признанию, сделал под влиянием Brentano, трудный путь в философию и тем более к самостоятельной работе в ней был еще впереди. Для нас очень важно, что на этой развилке дорог открылся путь в Галле – и опять-таки благодаря Brentano. Летом 1886 года Гуссерль отправился на отдых вместе с семьей Brentano (в местечко Ст. Гильген на Wolfgangsee). Можно смело предполагать, что учитель (Meister²⁶) и ученик подробно обсуждали философские и жизненные вопросы, в том числе те, которые касались дальнейшего научного развития Гуссерля. Не приходится гадать, к чему привели эти беседы. Аргументы, личностное обаяние Brentano были поистине неотразимыми – и математик Гуссерль выбрал философию. Существенно, что *с самого начала это была философия в сплаве с психологией, ориентированная на науку и принципы научности*. А первые самостоятельные шаги были сделаны Гуссерлем, что вполне понятно, на почве специализированной философии математики. Как потом выяснилось, выбор именно философии был для Гуссерля совершенно правильным и весьма перспективным. Возможно, Гуссерль с его теоретическими, аналитическими способностями (которые высоко оценивал его упомянутый учитель в математике, видный ученый К. Вейерштрасс) преуспел бы и в математических науках. Но точно известно: вступив, и не без колебаний, на философскую дорогу, Гуссерль стал одним из самых значительных философских первооткрывателей XX века.

Еще на лекциях Brentano, как потом вспоминал Гуссерль, произошло нечто весьма значительное для судьбы молодого человека. Правда, вначале Гуссерль пошел на эти лекции скорее из любопытства: он хотел услышать профессора философии, о котором говорила “вся Вена”. Слушал его скорее с недоверием – как математик может слушать философа. Но Brentano, блестящий лектор, положил конец колебаниям. «Скоро я сдался, – писал позднее Гуссерль, – скоро я был полностью пленен уникальной ясностью и диалектической остротой его рассуждений, так сказать, каталептической силой его анализа проблем и его теорий. Сначала из лекций Brentano я почерпнул убеждение, которое дало мне мужество избрать философию профессией своей жизни, а именно, что и философия является полем серьезной работы, что и она может, а значит, и должна быть рассмотрена (трактована) в духе строгой науки».²⁷ Отметим, что выбор в пользу философии Гуссерль оценивает как акт «мужества»!

²⁴ Carl Stumpf. Erinnerungen an Franz Brentano, in: Oskar Kraus. Franz Brentano: Zur Kenntnis seines Lebens und seiner Lehre. München 1919. S. 88.

²⁵ См.: E. Husserl. Erinnerungen an Franz Brentano, in: Oskar Kraus. Franz Brentano / Hua XXV. S. 304 ff.

²⁶ Мастером (Meister) Франца Brentano называл Гуссерль; впоследствии, в Геттингене, его самого будут так именовать его молодые последователи.

²⁷ Hua XXV. S. 305.

18 октября 1886 года Ф. Brentano пишет письмо К. Штумпфу, рекомендуя молодого человека – математика, но «ревностного слушателя философии» – для философской габилитации в Галле. В этой части моей работы я положу начало своему исследованию философских аспектов темы «Бrentано – молодой Гуссерль», но сейчас лишь предварю его краткими замечаниями, ибо в общем ракурсе предпринимаемого здесь анализа, его тематики и драматургии в этом месте работы может быть выполнен относительно небольшой пролог. (Далее в книге будут неоднократные специальные обращения к этой теме.) Ибо, во-первых, сравнительный анализ учений Brentano и Гуссерля как таковых предполагает ознакомление с обоими учениями. А во-вторых, не хотелось бы с самого начала упустить возможность преодолеть одно распространенное в литературе искажение: в ней упомянутый сравнительный анализ нередко осуществляется без учета вполне самостоятельного характера философии Гуссерля и той критической позиции, которую будущий основатель феноменологии весьма почтительно по отношению к Brentano, но твердо зафиксировал в следующих словах: «Вначале его восторженный ученик, я никогда не переставал чтить его как учителя, но мне не дано было остаться приверженцем его школы».²⁸ Эту оценку нам придется вспомнить и впоследствии, когда мы будем и конкретно, и в целом оценивать работы молодого Гуссерля. Поэтому здесь предложу вернуться в ту точку жизненного пути Гуссерля, когда он еще был «восторженным учеником» Brentano и когда различия, размежевания (впрочем, неизбежные и довольно скоро проявившиеся) еще не встали в повестку дня, – и задаться вопросом: что именно в философии и личности Brentano могло не только привлечь внимание молодого математика, но даже вызвать в его душе «восторг, воодушевление» (*Begeisterung*)?

Для (как сказано, лишь краткого) начального ответа на этот вопрос надо, с одной стороны, дать общую характеристику учения Brentano, как оно сложилось к середине 80-х годов XIX века, а с другой стороны, очертить – на основе известных, хотя и очень скудных сведений – первые идеи, творческие замыслы, устремления молодого Гуссерля (ему ко времени встречи с Brentano в 1883 году было 24 года) в их теоретических пересечениях с теми идеями и направлениями философии Brentano, которые ко времени становления Гуссерля как философа уже сложились.

С 1866 по 1872 год Brentano – приват-доцент в Университете Вюрцбурга. Уже тогда начинается воздействие Brentano на его многочисленных учеников, чьи имена вписаны в историю философии и психологии. Ибо «Brentano был харизматическим педагогом».²⁹ В Вюрцбурге у него учились Карл Штумпф, Антон Марти, теолог Герман Шелл. Когда Brentano (с 1874 года) преподавал в Венском университете, то его учениками были Алексис Мейнонг, Христиан фон Эренфельс, Франц Хиллебрандт, Эдмунд Гуссерль, Казимир Твардовский, Томас Масарик, будущий президент Чешской республики, и Зигмунд Фрейд. Всё это имена, хорошо известные в истории науки и культуры XIX–XX веков.

Незадолго до начала профессуры Brentano в Вене, а именно в мае 1874 года, вышел из печати I том его книги «Психология с эмпирической точки зрения» (*Psychologie vom empirischen Standpunkt*). И именно эта эмпирическая точка зрения на психологию, по-видимому, выступала на первый план в тех лекциях Brentano, которые Гуссерль – вспомним, еще не выбравший философию в качестве главного дела своей жизни – слушал в Вене. Именно и главным образом на эту работу и на лекции, им прослушанные, он ссылаясь в своих ранних произведениях «Философия арифметики» и «Логические исследования» (далее сокращенно ФА и ЛИ), когда речь заходила о Brentano. Поэтому нам так важны принципиальные идеи, замыслы, методологические разработки, запечатленные в этом бrentановском сочинении, которое, впрочем, так и осталось одним из классических произведений XIX века, весьма

²⁸ Hua XXV. S. 313.

²⁹ Gerhard Benetka. Denkstile der Psychologie. Das 19. Jahrhundert. Wien, 2002. S. 192.

влиятельным, часто цитируемым и используемым, вряд ли превзойденным самим Brentano на его дальнейшем, тоже достаточно плодотворном жизненном пути. Нельзя также забывать о факте, ранее отмеченном: Гуссерль, хотя и вдохновленный действительно харизматической личностью Brentano, испытавший его глубокое влияние, скорее всего, уже с самого начала занял умеренно-критическую позицию по отношению к *концепции и идеям* своего учителя. Мы и будем здесь исследовать эти концепции и идеи, постоянно задаваясь вопросом: как к ним относился Гуссерль, еще будучи студентом, а потом, уже отправившись – с защищенной первой диссертацией, с благословения и с рекомендацией Brentano – для габилизации в Галле?

Вот главный замысел «Психологии...», выраженный уже в Предисловии: «Мы должны здесь обрести в нашем рассмотрении то, чего математика, физика, химия и физиология, какая раньше, какая позже, уже достигли – создать то ядро всеобщепризнанных истин, к которым впоследствии, благодаря взаимодействию многих усилий, со всех сторон будут прирастать новые кристаллы. На месте *психологий* надо пытаться поставить [одну] *психологию*».³⁰ При этом Brentano рассматривал научное обоснование и структурирование психологии как предпосылку для коренного обновления, реформирования философии. Судя по отзывам Гуссерля, этот замысел Brentano был первым, что понравилось вчерашнему математику. Возможно, он боялся найти в философских, психологических сочинениях, лекциях расплывчатость понятий и методов. И его весьма обрадовало то, что Brentano призывал обрести в психологии и философии *кристаллы истин, точных и общезначимых*. Этот призыв и эти интенции Brentano не только нашли отклик в душе Гуссерля, что подтверждается в его известных воспоминаниях об учителе, но и оказали решающее влияние на жизненно важный поворот молодого ученого от математики к философии, где он тоже, и всю жизнь, будет искать «точность», «строгость» и «общезначимость».

Второе, что запало в душу Гуссерля и что, однако, проявило свое действие позже – в период создания ЛИ, было брентановское понятие *феномена*, вернее, зафиксированное в названной книге различие *физических и психических феноменов*. Правда, Гуссерль станет более широко актуализировать это брентановское понятие позже; при этом он иначе, чем учитель, истолкует и использует сей основополагающий и перспективный для будущей феноменологии термин. В ФА это различие тоже используется – хотя лишь в контексте проблемы «отношений» (Relationen) и довольно бегло, – о чем речь конкретно пойдет в разделе, посвященном данной работе Гуссерля. Больше чем это понятийное различие, его в ФА интересует брентановское разделение «собственных» и «несобственных» (или символических) представлений, в связи с которыми Гуссерль с благодарностью вспомнит именно прослушанные им университетские лекции Brentano (см. ФА, S. 193). А вообще-то присутствие психологии и философии Brentano в ранней работе Гуссерля – и мы это увидим при подробном анализе ФА – относительно небольшое и не идет ни в какое сравнение с вниманием, уделяемым учениям психологов Гельмгольца, Гербарта и даже Штумпфа. Думаю, это не случайно. Позиции Brentano и Гуссерля начали расходиться раньше, чем об этом решился открыто сказать почтительный, благодарный, но самостоятельно мыслящий ученик.

К вопросу о том, был или не был Гуссерль в дофеноменологический период всего лишь последователем Brentano – я тоже не раз обращусь в дальнейшем. И буду решительно оспаривать тезис, согласно которому Гуссерль в самых ранних работах, например, в «Философии арифметики», предлагает исключительно «психологическую интерпретацию», которая в свою очередь объясняется-де, тем, что он идет по следам Brentano, целиком или преимущественно опирается на его наследие (H. Peuker, 2002. S. 11, 24).

Еще одна категория, а именно «интенциональность» – старое, еще средневековое понятие, актуализированное у Brentano – тоже сослужит свою службу Гуссерлю, начиная с «Логиче-

³⁰ Franz Brentano. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Leipzig 1874. S. VI.

ческих исследований». Она станет стимулом к формированию и преобразованию, уже в контексте возникшей феноменологии, учения об интенциональности, проблемная широта и теоретическая глубина которого не идет ни в какое сравнение с исходными Brentanovskimi разработками. В интересующий нас период понятие «интенциональности» в работах Гуссерля, насколько мне известно, уже привлечет внимание Гуссерля – но глубоко он разработает его в ЛИ. Но тогда он не пойдет по пути Brentano, а предложит собственное истолкование этого понятия, которое станет центральным уже в первоначальной версии феноменологии, но особенно в развитом феноменологическом учении.

Сейчас достаточно, думаю, сказано для краткого исторического пролога – «вначале был Франц Brentano»... Что этому «прологу», однако, суждено было довольно скоро, уже в ранний период творчества и мучительных поисков Гуссерлем собственного пути, стать преддверием своего рода «теоретической драмы» – нам предстоит исследовать и доказать в дальнейшем.

§ 1. Нострификация, габилизация Гуссерля в Галле

Гуссерль привез в Галле и предъявил для габилизации работу «О понятии числа», которая осенью 1887 года была опубликована (но в книготорговлю она почему-то не попала).

Но прежде чем могла состояться габилизация, Гуссерлю следовало пройти «нострификацию», т. е. сдать в Университете Галле экзамены. Тогда деканом философского факультета был Иоганн Эдуард Эрдманн (1805–1892). Его имя было, несомненно, известно Гуссерлю, ибо И. Эрдманн, в частности, издал вышедшее в 1840 году новое собрание сочинений Лейбница. Оно быстро стало весьма популярным для всех, кто работал в философии или к ней приобщался. Этим изданием Гуссерль пользовался, когда писал ФА. С 1839 года И. Э. Эрдманн – профессор Университета в Галле, в 1887 году – восьмидесятидвухлетний человек (но тогда хорошо и четко выполнявший свою работу). В письме к своему факультетскому коллеге К. Штумпфу декан так обосновывал эту необходимость: «Г-н доктор Гуссерль, который хочет габилизироваться по философии, должен, – поскольку доктором он стал в Австрии, – пройти нострификацию, т. е. сдать полный экзамен *rigorosum*, который только aus Courtoi (по соображениям вежливости, деликатности – *Н. М.*) будет назван по-другому. Главный предмет – философия».³¹ Штумпф же, по просьбе своего учителя Brentano ходатайствовавший за Гуссерля, выдвинул предложение, чтобы Гуссерль все-таки не подвергался строгим экзаменам в полном объеме (*rigorosum*), ибо считал: требованиям подобных экзаменов в значительной мере удовлетворяет сама представленная диссертация. Обосновывая свое предложение, Штумпф в ответе на письмо Эрдманна подчеркивает, что «Гуссерль в своей работе предпринимает попытку выявить психологические корни понятия числа. Одновременно он характеризует существенные моменты содержания гуссерлевской работы» (*Ibidem*. S. 176). «Я считаю результаты в основе своей правильными и доказанными. В этой добросовестности [автора] работы я усматриваю гарантию для успешного продолжения его исследований», – резюмирует Штумпф. У него есть критические замечания, касающиеся формы габилизационного сочинения Гуссерля. Однако ответ на главный вопрос Штумпфу ясен: сначала нострификация, а потом габилизация; но нострификация не должна быть тождественна экзаменам *rigorosum*. Это предложение теперь полностью поддерживает и И. Эрдманн. 20 июня он сообщает о нем и коллегам по факультету, которые также выражают свое согласие (*Beförderer der Logik*, S. 176–177). (То обстоятельство, что психолог К. Штумпф не просто подчеркивает, но даже делает главными, если не единственными психологические составляющие будущей работы Гуссерля, не должно нас удивлять. Ведь иначе

³¹ *Habilitationsakte von E. Husserl*, ИАН, Rep. 21 III, Nr. 139. Здесь и далее цитирую документы по книге, изданной ранее упоминавшимися историками из Галле Г. Шенком и Р. Майер, которые наиболее точно, подробно и основательно изучили материалы из Архива Университета Галле (см. *Beförderer der Logik*. B. 2.1. S. 174.) Вместе с тем я держу в руках копии архивных документов, так что могу подтвердить подлинность публикации.

было бы неясно, почему *психолог* К. Штумпф хлопчет за молодого человека, которого хочет сделать, выражаясь современным языком, своим диссертантом.)

И с содержательной, а не только с формальной стороны аргументация Штумпфа была вполне понятна почтенному декану и профессору Иоганну Эдуарду Эрдманну (1805–1892 гг.). «Он считался последним гегельянцем и был своего рода посредником между различными направлениями, которые сформировались после смерти Гегеля».³² Действительно, известность И. Э. Эрдманну – кроме уже упомянутого издания сочинений Лейбница – принесла влиятельная книга «Немецкая философия после смерти Гегеля» («Die deutsche Philosophie seit Hegels Tode»). Но дело было не только в этом. Одной из специализаций И. Эрдманна (не путать с Бенно Эрдманном, о котором речь впереди) была как раз психология, рассмотренная с широкой философской точки зрения в его работах «Очерк психологии» (Grundrisse der Psychologie, 1840) и «Психологических письмах» (Psychologische Briefe, 1851). Его интересовали также проблемы логики, которые, конечно, интерпретировались в духе немецкого идеализма. Интерес к разработке этой проблематики, который И. Эрдманн обнаружил еще в относительно молодом возрасте, не угас и на закате его жизни – ко времени, когда Гуссерль приехал в Галле.³³ Поэтому можно заранее и смело предполагать, что поиски молодого ученого в направлении *психологического и логического обоснования математических понятий* почтенный философ старшего поколения, от которого теперь в известной степени зависела габилизация Гуссерля, будет только приветствовать.³⁴ Так что благосклонность Эрдманна была, в сущности, гарантирована. Итак, предложения факультета сформулированы.

Гуссерль с готовностью идет навстречу предложениям коллег пройти нострификацию. Пожелание кратко сформулировать содержание габилизационной работы в нескольких тезисах Гуссерль, как передает Штумпф, тоже находит «вполне естественным». «Согласно Эрдманну, Гуссерль с “большой готовностью” отозвался на то, чтобы 28-ого июня, во вторник, им были сданы экзамены и несколькими днями позднее состоялся диспут по его напечатанным тезисам и чтобы потом он прочел пробную лекцию – и уже тогда, получив лицензию, смог бы отправиться на каникулы».³⁵

Как видим, философский факультет все-таки должен был предъявить Гуссерлю некоторые формальные требования из-за того, что докторская степень была получена в другой стране (хотя и связанной с Германией тесными научными узами). Однако эти требования были логичными, вполне здравыми и вряд ли строгими. Этому способствовали авторитет хлопотавшего за Гуссерля Карла Штумпфа и благосклонность самого декана И. Эрдманна.

Сдача экзаменов не была для Гуссерля особенно трудным, но, несомненно, была ответственным делом. Надо было заявить о себе перед лицом университетских коллег. И еще одно следует принять во внимание: его экзаменовали ученые, хорошо известные в Германии и за ее пределами, – по математике экзаменатором был сам Георг Кантор, математик мирового класса, впоследствии создатель теории множеств; по физике экзамен принимал Герман Кноблаух, тоже известный в своей области ученый; экзамен по философии был сдан тому же Карлу Штумпфу.

На экзаменаторов Гуссерль произвел весьма благоприятное впечатление. Особенно важен краткий отзыв Георга Кантора: «Согласно Кантору, Гуссерль в течение получасового обсуждения обнаружил здравую способность суждения (“ein gutes Urteil”) и доказал, что изучение им математики было основательным и довольно широким». Итак, Кантор отметил молодого коллегу – с этого дня, видимо, началось их общение, а потом и дружба (о чем пойдет

³² Der Spirituskreis (1890–1958). Bd. 1: 1890–1945, von Günter Mühlpfordt und Günter Schenk in Verbindung mit Regina Meyer und Heiz Schuare. Hallescher Verlag 2001. S. 153. (Далее при цитировании: Der Spirituskreis, с указанием страниц.)

³³ В будущей книге Гуссерля «Философия арифметики» есть ссылки на сочинения И. Эрдманна, о чем речь пойдет при подробном текстологическом анализе этого написанного именно в Галле сочинения Гуссерля.

³⁴ Там же.

³⁵ Der Spirituskreis... S. 177.

речь в специальном разделе). Физик Конблаух – в отношении своего предмета – дал подобную же оценку. Штумпф также засвидетельствовал: знания экзаменуемого – основательные (tüchtige Kenntnisse).³⁶

1 июля 1887 года состоялось обсуждение (Disputation) по тезисам, которые были – по предложению факультета – в напечатанном виде представлены Гуссерлем и отражали основное содержание габилюационной работы. Оппонентами на защите были: д-р Герман Винер (Hermann Wiener, 1857–1939, который незадолго до этого, в 1885 году сам проходил габилюацию в Галле, впоследствии – в 1894–1927 годах – он был профессором математики в Дармштадте); студент-математик Герман Шварц (Hermann Schwarz, 1864–1951); дополнительный, по нашему, неофициальный оппонент был д-р Эрдманн (по предположению Г.-М. Герлаха, это был Hugo Erdmann, который на философском факультете университета Галле с 1884 по 1901 год преподавал химию).

Согласно протоколу от 28 июля 1887 года, Гуссерль – в результате обсуждения – был объявлен доктором наук университета Галле (zum Dr. Halensis proclamiert worden).³⁷ Одновременно была также фактически подтверждена (что в данном особом случае немаловажно) и ранее полученная первая ученая степень. В Германии присуждение второй научной степени (в результате габилюации) в принципе позволяло претендовать на должность профессора. Но это только в принципе... Труднейший путь к положению профессора (и соответствующей оплате) на целые десятилетия растянулся для талантливого ученого-новатора Гуссерля, впоследствии вошедшего в когорту самых выдающихся, быть может, великих философов XX века.

6 июля 1887 года Гуссерль прочитал в университете Галле, как и было обусловлено, пробную лекцию на тему «Следует ли основывать психологию на достоверных наблюдениях или на эксперименте (в психофизическом смысле)». И это тоже подтверждено соответствующим протоколом. Итак, есть все основания заключить, что первые шаги вчерашнего математика в сторону философии, во всяком случае в смысле формального утверждения в ней, оказались нетрудными и вполне успешными. Коллеги встретили молодого ученого дружелюбно. Перспективы могли казаться обнадеживающими.

Всего через месяц после пробной лекции Гуссерль уже был в Вене. Туда он приехал прежде всего для того, чтобы жениться на Мальвине Штайншнайдер (1860–1950), с которой был помолвлен с 1878 года. Осенью 1887 года молодые супруги переселились в Галле. Началась семейная жизнь – очень трудная из-за материального положения семьи, но по-своему счастливая; Мальвина Гуссерль стала своему мужу опорой, помощницей, другом. Семья росла: в Галле 2 июня 1892 года родилась старшая дочь Элизабет (в семье ее ласково называли «Элли»); 22 декабря 1893 года родился сын Эрхард (впоследствии он стал юристом, профессором права), а 10 сентября 1895 года – сын Вольфганг (в 1916 году ему суждено было погибнуть в битве под Верденом).

Перейдем к начавшейся вскоре преподавательской деятельности молодого доцента.

§ 2. Преподавательская деятельность Гуссерля в Галле. Трудный путь к признанию

Приезд в Галле, габилюация были для Гуссерля лишь формальными шагами на пути к преподаванию в Университете. Достаточно прочесть «Перечень фактически проведенных занятий в 1887–1901 гг. (Verzeichniss der tatsächlich gehaltenen Veranstaltungen in den Jahren 1887 bis 1901)»,³⁸ чтобы убедиться: Гуссерль читал лекции и вел своего рода «практические

³⁶ Beförderer der Logik. Bd. 2.1. Halle. 2002. S. 177.

³⁷ Ebenda. S. 177.

³⁸ Beförderer der Logik. Georg Cantor. Heinrich Behmann. Edmund Husserl. Hrg. Günter Schenk und Regina Meyer. Halle 2002.

занятия» (*Philosophische Übungen*) по коренным и самым общим проблемам философии. Чаще всего – по нижеследующим темам (упоминаю лишь фактически прочитанные лекции):

- *Элементы философии* – летний семестр 1888 г.; *Введение в философию* (*Einleitung in die Philosophie*) – летний семестр 1892 г., летний семестр 1893 г., летний семестр 1894 г., зимний семестр 1895–96 гг., зимний семестр 1896–97 гг., зимний семестр 1897 г.

- *Введение в теорию познания и метафизику* (*Einleitung in die Erkenntnistheorie und Metaphysik*) – зимний семестр 1887–88 гг.; введение в теорию познания – зимний семестр 1898–99 гг. *История философии: история философии нового времени* (*Geschichte der neueren Philosophie*) – летний семестр 1899 г., летний семестр 1900 г., зимний семестр 1901 г.

- *Избранные проблемы философии и математики* (*Ausgewählte Fragen aus der Philosophie und Mathematik*) – зимний семестр 1889–90 гг., зимний семестр 1890–91 гг.

- *Основные проблемы этики* (*Grundprobleme der Ethik*) – летний семестр 1891 г., летний семестр 1893 года, *Ethik* – летний семестр 1895 г.

- *Этика и философия права* (*Ethik und Rechtsphilosophie*) – зимний семестр 1889–90 гг., летний семестр 1894 г., летний семестр 1897 г.

- *О свободе воли* (*Über die Freiheit des Willens*) – зимний семестр 1892–93 гг., зимний семестр 1893–94 гг., зимний семестр 1894–95 гг., зимний семестр 1895–96 гг., летний семестр 1897 г., летний семестр 1898 г., летний семестр 1899 г., зимний семестр 1900 г., летний семестр 1901 г.

- *Логика* (*Logik*) – летний семестр 1889 г., летний семестр 1890 г.; О новых исследованиях по проблемам дедуктивной логики (*Über die neuen Forschungen zur deduktiven Logik*) – летний семестр 1895 г.

- *Философия Канта. Философские упражнения в связи с «Критикой чистого разума»* (*Kants Philosophie; Philosophische Übungen im Anschluß an Kants «Kritik der reinen Vernunft»*) – зимний семестр 1900–01 гг.

- *Психология* – зимний семестр 1891–92 гг.

- *Доказательства бытия Бога* (*Die Beweise für das Dasein Gottes*) – зимний семестр 1892–93 гг.

- *Теизм и современная наука* (*Der Theismus und die moderne Wissenschaft*) – зимний семестр 1893–94 гг.

Вопрос о том, насколько тематика лекций определялась выбором самого Гуссерля, вовсе не прост. Конечно, совсем уж против своей воли он вряд ли согласился бы вести все эти занятия. Однако надо иметь в виду, что существовали принятые в немецких университетах того времени правила и инструкции, согласно которым на философских факультетах следовало вести занятия прежде всего по коренным проблемам философии, что соответствовало тогдашним принципам обучения этой (и всякой другой) специальности. Так или иначе, Гуссерлю пришлось снова и снова вникать во все подобные проблемы, что для него – математика, чье предшествующее философское и историко-философское образование не было систематическим, – оказалось весьма полезным, но и нелегким делом. Чтобы новаторски и самостоятельно двигаться вперед в философии, Гуссерлю следовало подвести под свои занятия нормальную профессиональную базу. Гуссерль читал также и лекции по специальным проблемам философии математики и логики. Иными словами, темы и проблемы первых будущих работ Гуссерля по философии математики и логики также присутствовали в его преподавательской деятельности в университете Галле, в котором – не забудем этого – трудились известные в этих областях коллеги.

S. 210–214. Издатели книги Г. Шенк и Р. Мейер взяли этот перечень из хранящихся в Архиве университета Галле документов. Sieh: Acta d. Königl. Vereinigten Friedrich–Universität Halle–Wittenberg. Die nach dem Lections–Cataloge angekündigten aufgrund wirklich zu Stande gekommenen Vorlesungen vom Sommersemester 1887 bis Sommersemester 1896. (IAH, Rep. 4, № 1330).

Обращают на себя внимание следующие конкретные обстоятельства, связанные с тематикой лекций и важные для нашего последующего анализа, притом по-своему неожиданные, подчас парадоксальные.

1. Усиленно занимающийся в начале интересующего нас периода проблемами математики, Гуссерль все же редко (лишь два раза) выносит эту тематику в свои лекции. Это можно объяснить тем, что у студентов-философов она, скорее всего, не пользовалась спросом. А ведь неоплачиваемый государством приват-доцент Гуссерль непосредственно зависел от того, записывались ли на его лекции, читаемые главным образом «частным», самым «приватным» образом (как сказано в перечне, *privatum* или *privatissime*), заинтересованные студенты и слушатели.

Что же касается студентов-математиков, которых вполне могли заинтересовать философские вопросы, в немецкой математике всегда привлекавшие внимание, то как раз во время пребывания Гуссерля в Галле количество математиков среди общего числа студентов существенно сократилось. Так, если в 70-х – начале 80-х гг. XIX века студенты-математики составляли от 50 до 90 человек (из общего числа примерно от 800 до 1500 студентов), то в период 1887–1900 гг. их число колебалось в среднем между цифрами 30–13 человек – при среднем общем числе студентов 1500–1600 человек.³⁹ Это обстоятельство, конечно, не было случайным, а отражало тенденции профессионального выбора в Германии конца XIX века (а возможно, не только в ней). Как бы то ни было, Гуссерлю в его преподавании приходилось считаться с объективными фактами. Но были и привходящие обстоятельства, связанные с размежеваниями в профессорской среде университета – между представителями точных, естественных наук и тех дисциплин, которые в Германии именовались «науками о духе». (Об этом будет подробнее рассказано в дальнейшем. И тогда станет ясно, почему под удар вдруг попала предложенная начинающим преподавателем профильная для него в то время проблема числа.)

Но дело, думаю, не только в тех или иных привходящих обстоятельствах. Ибо Гуссерль чем дальше, тем больше погружается в философию как таковую – и поиск им новых парадигм происходит не только, даже не столько на философско-математической, сколько на общепhilosophической почве, правда, тесно связанной с реформой логики (последняя же в конце XIX века была как никогда тесно объединена с математикой).

2. Вместе с тем занятия со студентами по логике тоже были весьма немногочисленными. И это тем более удивительно (а потому требует специального объяснения), что в 90-х годах Гуссерль, как известно, усиленно занимается (о чем подробнее – позже) тщательным и широким по охвату изучением новейшей немецкой литературы по логике, а к концу века включается в настоящую *реформу логики* – уже с позиций собственной феноменологии в ее первом варианте.

3. Аналогичным образом обстоит дело с проблемами психологии, которая в те годы читалась именно на философском факультете. Гуссерль два раза объявляет лекции по психологии, но читает их только однажды (зимний семестр 1891–92 гг.). Относительно объявленных на зимний семестр 1894–95 гг. лекций по психологии Гуссерль делает пометку: «От курса “Психология” я отказался еще до начала семестра».⁴⁰ Между тем в это время, как и вообще в Галле, он достаточно глубоко и основательно вникает в проблематику психологии, а *несколькими годами позже* (это NB) – в споры вокруг психологизма, что находит свое резюмирующее завершение в I томе «Логических исследований».

4. Интересен еще один специальный момент: к концу своего пребывания в Галле Гуссерль все больше занимается философией Канта – и соответственно, включает эту тематику в свои учебные курсы. Правда, объявленные на зимний семестр 1899–1900 гг. курсы “Кант и после-

³⁹ См.: *Beförderer der Logik*. Bd. 2.1. S. 45–46.

⁴⁰ *Beförderer der Logik*. Bd. 2.1. S. 212.

кантовская философия” (Kant und die nachkantische Philosophie) и «Философские упражнения в связи с “Пролегоменами” Канта» (Philosophische Übungen im Anschluß an Kants *Prolegomena*) почему-то не состоялись. Однако уже то, что Гуссерль объявил эти темы, весьма знаменательно. Еще раз подтверждается общая закономерность, на которую указывали исследователи феноменологии (которую, в частности, и я раскрывала в ряде своих работ): с самого начала новаторской деятельности Гуссерля в философии и на всех её этапах любой значительный шаг вперед основателя феноменологии был неизменно связан с все более глубоким и самостоятельным переосмыслением философии Канта.

5. Представляется весьма важным также и то обстоятельство, что наряду с общепhilosophскими, метафизическими, теоретико-познавательными, логическими темами Гуссерль в Галле уделяет внимание также проблемам этики, философии права, в частности, проблематике свободы воли – посвященные им лекции регулярно читались в 90-х годах. Тематика свободы воли была весьма распространенной и даже излюбленной в практике преподавания на философских факультетах немецких (кстати, также и российских) университетов конца XIX века. Вместе с тем из самых различных материалов с очевидностью следует: молодой Гуссерль интересовался этическими проблемами этого рода внутренне, искренне и глубоко; с таким интересом была связана и его озабоченность религиозно-теологической проблематикой,⁴¹ хоть и редко, но все-таки включаемой им в специальные лекционные курсы. (Несомненно, она также присутствовала в циклах лекций, посвященных метафизике.)

А теперь – подробнее о том, как Гуссерль совмещал преподавательскую деятельность и исследование, какие работы он написал и опубликовал в Галле. Нижеследующий материал, (кстати, нигде и никогда не фигурировавший на русском языке) и в основном взятый из материалов неопубликованных рукописей Гуссерля (хранятся в архиве Лувена), предполагая, может заинтересовать скорее специалистов-гуссерлеведов, вникающих в тонкие детали, нежели широких читателей.

* * *

В 1891 году – от начала года и до апреля-мая – Гуссерль был занят исследовательской работой над завершением текста «Философии арифметики». В начале года появилась авторская аннотация к этой книге (Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie, 1891, S. 360–361).

В феврале в письме к К. Штумпфу Гуссерль сообщает: около 200 страниц ФА готовы к печати, а следующие 150–200 страниц он намеревается закончить через 9 недель.⁴²

В марте и апреле выходят из печати две небольшие математические и одновременно логические работы Гуссерля,⁴³ а вторая – это рецензия на книгу Э. Шрёдера, «Лекции по алгебре логики».⁴⁴

А в апреле 1891 Гуссерль пишет Предисловие к ФА. Наконец, *в апреле-мае 1891 года I том ФА выходит из печати – и именно в Галле*. Работа содержит посвящение: «Моему учителю Францу Brentano с глубоко искренней благодарностью».

После публикации ФА обычная жизнь продолжается – лекции, семинары, хлопоты перед министерством о стипендии и т. д. В исследовательском плане – попытки собрать из соответствующих рукописей и заметок (а их постепенно накапливается немало) заявленный в Предисловии к I тому и в авторской аннотации II том ФА.

⁴¹ См. по этому вопросу: Eberhard Avé – Lallemand, *Edmund Husserl zu Metaphysik und Religion* / Husserl in Halle. S. 85–108.

⁴² K. Schuhmann, op. cit. S. 29.

⁴³ “Der Folgerungskalkül und die Inhaltslogik (Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie, 1891. S. 168–189).

⁴⁴ Напечатана в Göttingische gelehrte Anzeiger, 1891. S. 243–278.

Вместе с тем некоторые авторы, с которыми Гуссерль делился своими воспоминаниями, утверждают: после выхода в свет ФА её автор пережил четырех-пятилетний период депрессии:⁴⁵ и это же был «инкубационный период» по отношению к «Логическим исследованиям».

Впоследствии мы вернемся к этому периоду. Сейчас же нас интересует «инкубационный период» ФА и теоретический контекст, в каком появилось это произведение.

Важно ещё одно сделанное Гуссерлем *post factum* разъяснение: «К началу 90-х годов, когда я пытался выбраться из невыносимых трудных для меня теоретико-познавательных вопросов о смысле и значимости (*Geltungsart*) математического познания, об отношении логического исчисления (*Logikkalküls*) к остальной аналитической математике и, с другой стороны, к логике, – тогда Больцано, Лотце и Юм оказали мне большую помощь».⁴⁶

И другое основанное на воспоминаниях Гуссерля пояснение, касающееся именно освоения в тот период работ Лотце: «Решающий импульс “платонизма” (“он исходил от Лотце”) достиг и Гуссерля. Гуссерль делает теорию познания Лотце предметом самостоятельного изучения. Тогдашнюю рукописную запись с критикой Лотце (=Ms KI₅₉) Гуссерль намеревался поместить в *Прологоменах* в качестве Приложения». Правда, как отмечается на той же странице в *Husserl-Chronik* (S. 26), «платонизм» Гуссерль сначала как бы брал на пробу, говоря, что требуются многие годы для выработки решения по релевантному кругу вопросов. Но вернемся от воспоминаний к конкретному ходу исторических событий.

В начале 1890 года Гуссерль снова читает лекции по избранным проблемам теории математики – и снова в центре внимания оказываются исследования Римана-Гельмгольца, т. е. проблемы неевклидовой геометрии. В летний семестр читаются лекции по логике.

Что касается исследовательской работы и чтения сочинений других авторов, то это проблемы числа, конституции алгоритмов и проработка книг, статей по истории и теории математики (Konrad Zindler, Hermann Hankel, Walter Brix, d'Alembert), и снова же работы Лейбница. На протяжении целого года делаются выписки: из истории математики – о древних греках; из современной (тогда) математики – по проблемам расширения области чисел и т. п.

Возникает серия важных (опубликованных только в XII томе «Гуссерлианы») рукописей-заметок по проблемам философии математики вообще, философии арифметики, в частности.

В 1888–1889 годах, уже занявшись написанием текста ФА, Гуссерль продолжает, естественно, читать лекции и вести занятия в Университете. В летнем семестре 1888 года по понедельникам и пятницам с 16 до 17 часов он читает лекции на тему «Основные проблемы психологии» и ведет семинар «Философские упражнения».⁴⁷ В то же время, как видно из манускрипта «Об узости (*Enge*) сознания», он снова обращается к темам и идеям Brentano. В зимнем семестре 1888/89 годов им читается (по вторникам и пятницам, с 15 до 16 часов) курс «Энциклопедия философии».

В 1889 году Гуссерль занимается проблемой «представлений множественности» (*Vielheitsvorstellung*) и отрабатывает соответствующую тему для будущей ФА. В январе 1889 года делаются записи, заметки, касающиеся чисел, конституции алгоритмов и исчисления операций. В летнем семестре Гуссерль читает лекции по логике (по понедельникам, вторникам, четвергам с 18 до 19 часов), а в зимнем семестре объявляет лекции по этике; читается курс по избранным проблемам философии математики. Карлу Штумпфу Гуссерль сообщает: «По курсу “Философия математики” у меня 8 слушателей... По их желанию я читаю главным образом о проблемах пространства и даю подробную критику теорий Римана-Гельмгольца. По этике я не захотел читать лекции для двух слушателей и отказался от курса» (*Ebenda*, S. 24).

⁴⁵ Boyce Gibson, op. cit. S. 66; Husserl-Chronik. S. 29.

⁴⁶ Рукопись F III–116 в. – цитир. по: K. Schuhmann, Husserl-Chronik. S. 26.

⁴⁷ Здесь и далее см.: K. Schuhmann, Husserl-Chronik. Den Haag, 1977. S. 23 ff.

В зимнем семестре 1889 года Гуссерль снова читает курс лекций «Избранные проблемы философии математики», посвящая их спорным вопросам, касающимся фундаментальных проблем геометрии. В ноябре–декабре им сделаны заметки по отдельным математическим проблемам (переход от дискретного двойного ряда к континууму; о замкнутом континууме, например, о круге – Kugel и др. – Манускрипты под индексами KI_{27/144,146} и KI_{28/81}).

В некоторых феноменологических работах есть такие формулировки: «“Логические исследования” потребовали у Гуссерля 10 лет для своего написания» (В. Гибсон 1).⁴⁸

Это не следует понимать буквально: Гуссерль не писал в начале 90-х годов ЛИ, но идеи, ведущие к этому произведению, уже стали зарождаться.

Что касается историко-философского контекста, то важны следующие указания К. Шумана, основанные на рукописях Гуссерля, о начале 90-х годов: im Ausgang, в истоке тех исследований, которые к началу 90-х годов были по преимуществу теоретико-познавательными, Гуссерль *интенсивно занимался* Локком, Беркли, но прежде всего, вновь и вновь Юмом, с другой стороны, и Лейбницем; он хотел обратиться к философии Канта, но в основном, однако, читал, презентировал критику в адрес Канта.⁴⁹ (В одной из гуссерлевских рукописей – AI_{4/54} – есть извлечения из работ критиков Канта.) Одно интересное воспоминание Гуссерля: «В молодые годы я часто с широко открытыми глазами читал Лейбница в издании Эрдманна (имеется в виду И. Эрдманн, как отмечалось раньше, в годы пребывания Гуссерля в Галле его коллега по Университету. – Н. М.); и Лейбниц, несомненно, оказал на меня сильное влияние, пусть мои установки тогда были иными. Я был также восприимчив и к некоторым важным рассуждениям Лютце, как и Ламберта и Больцано, и способен к решающим для меня поворотам».⁵⁰

§ 3. Хождения по мукам...

Работа, как мы видим, велась повседневная и огромная, и она обнимала как преподавание, так и исследование. Что же касается институционального статуса и формального признания, то здесь начались “хождения по мукам” молодого талантливого ученого. Не только в Галле он останется без государственной должности и оплаты (как приват-доцент он должен был добывать средства к существованию частными занятиями, редко получая оплату от государства), но и позже, в Гёттингене, Гуссерль не сразу получит почетную должность “ординариуса”, т. е. “полного”, хорошо оплачиваемого профессора, которой он – по единодушному мнению многих авторитетных специалистов – был вполне достоин уже и в 90-х годах.

⁴⁸ Boyce Gibson. From Husserl to Heidegger: Excerpts from a 1928 Freiburg Dairy / The Journal of the British Society for Phenomenology, 1971(II/I). S. 64.

⁴⁹ K. Schuhmann, op. cit. S. 26.

⁵⁰ Ebenda.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.